
Луиджи Пиранделло

Неизвестно как

Драма в трех действиях

Перевод с итальянского Валерия Попова

Действующие лица

Граф **Ромео Дадди**.

Синьора **Биче Дадди**, графиня, его жена.

Джорджо Ванци, офицер морского флота,

капитан дальнего плавания.

Джиневра, его жена.

Маркиз **Никола Респи**, друг семьи Дадди.

Действие первое

Длинная терраса снаружи дома Джорджо Ванци, куда можно войти через большую стеклянную дверь. Террасу украшает длинная балюстрада с несколькими фонарями, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга и в данный момент погашенными.

Предположительно, под террасой протекает речушка, которую на сцене не видно. Вдали виден примостившийся на холме великолепный островок зелени: место поистине восхитительное.

Садовая мебель на террасе подобрана с большим вкусом. Слева великолепные шезлонги, не менее привлекательные стулья, барный столик и расставленные кругом небольшие скамейки.

Утро. Конец сентября. Джорджо сидит на террасе и что-то читает. Увидев входящего Респи, тут же встает.

Джорджо. О, Респи! Bravo! Молодец! Вот мы и снова увиделись!

Респи. Я узнал, что ты недавно вернулся из долгого плавания...

Джорджо. Да, уже прошло двенадцать дней. Я их постоянно считаю, так как их у меня, увы, осталось только три!

Респи. И это все, что ты заслужил за восемь месяцев круизного плавания?!

Джорджо. Мне дали лишь пятнадцать дней отпуска. Ничего не поделаешь!.. Такова наша морская жизнь!

Респи. Трудно себе даже представить, как можно вдруг оставить такой рай!..

Джорджо. Это какой-то сон! Особенно чувствую это, когда нахожусь здесь или где-то за тридевять земель.

Респи. А что сказать о бедной Джиневре?!

Джорджо. Она тоже страдает. Это очень заметно, когда я возвращаюсь к ней после долгого плавания. Но так, возможно, интереснее. По крайней мере, пока мы с ней еще молоды. Но со временем, когда мы не сможем обходиться друг без друга...

Респи. Ты прав. Нам всегда хватает времени, чтобы не отказывать себе ни в чем и наслаждаться жизнью.

Джорджо. Да, у меня тоже бывает достаточно времени на борту моего лайнера.

Респи. Но это совсем другая вещь. В нашем обществе эта пресыщенность имеет совсем другую цену...

Джорджо (*завершает фразу*). Для вас это прежде

всего ни к чему не обязывающие любовные истории и всякие праздные забавы. Вы все — как туман, поднимающийся с болота и расплывающийся по воле природы как ему вздумается.

Респи. Нет, дорогой, хуже! Хуже!

Джорджо. Давай присядь. Может, выпьешь что-нибудь?

Респи. Нет, спасибо.

Джорджо. Немножечко виски. Я сам тебе налью. (*Наливает.*)

Респи. Ты уже видел Дадди?

Джорджо (*наливает и себе*). Да. Он был первым...

Респи (*выпив*). Я знаю, едва сойдя на берег, ты тут же бросился к нему на виллу, чтобы забрать свою жену... Хочу отметить, виски превосходный.

Джорджо. Может, немного соды?

Респи. Нет, спасибо, не надо. Так хорошо.

Джорджо. Джиневра все это время гостила у синьоры Биче на их вилле.

Респи. Кстати, я тоже был у них.

Джорджо. Надо же! Джиневра об этом мне не говорила.

Респи. Всего пять дней. Был там проездом... Ты, стало быть, тоже успел побывать у него.

Джорджо. Нет. Я там задержался всего лишь на несколько часов. Остался на завтрак. Джиневра уже была готова следовать за мной. Потом мы отправились в деревню к моей матери и сегодня утром вернулись сюда.

Респи. То есть ты больше не видел его?

Джорджо. Дадди? Нет. А почему ты спрашиваешь? Я его жду у себя. Он должен вот-вот приехать.

Респи. Стало быть, ты ничего не знаешь?

Джорджо (*обеспокоенный его словами*). Нет. А что, с ним что-то случилось?

Респи (*после небольшой паузы, неопределенно пожав плечами, разводит руками*). Просто он, должно быть, сошел с ума.

Джорджо (*ошеломленный, не веря тому, что слышит*). Кто? Ромео? Ты никак шутишь? Да он абсолютно здоров как никто...

Респи (*прерывает его*). И что, он действительно показался тебе здоровым там, на вилле, когда ты приехал?

Джорджо (*начинает сомневаться, думая, что Респи говорит о собственных впечатлениях и страхах*). Естественно. Он как обычно был в здравом уме и чувствовал себя великолепно. Он всегда был самым уравновешенным и самым искренним из всех наших друзей, а для меня еще и самым настоящим братом. Но что с ним случилось?

Респи. Тогда, наверное, это произошло с ним уже после...

Джорджо. После чего? Что ты этим хочешь сказать?

Респи. То, что это случилось после твоего отъезда. Тебе ясно? Если ты его оставил в полном расстройке...

Джорджо. Ты, значит, говоришь не просто так, а вполне серьезно, что он сошел с ума?..

Респи. Да, серьезно. (*Приближается к Джорджо.*) Это случилось из-за его жены! Интересно, ты можешь себе такое представить?

Джорджо. Из-за кого? Как ты сказал? Из-за его жены?

Респи. Да, из-за донны Биче, этой святой женщины!

Джорджо. Но тогда он в самом деле сошел с ума. Но отчего? Их совместная жизнь была всегда для всех нас примером, эталоном семейного счастья. Они были влюблены друг в друга, как в первый день их знакомства.

Респи. Должно быть, у него неожиданно возникло какое-то серьезное подозрение. Никак не иначе.

Джорджо. По отношению к Биче? Но это невозможно! Даже если так, это точно не может быть причиной потери рассудка. Только действительно сойдя с ума, можно позволить себе такое...

Респи. Согласен. Согласен. Только действительно сошедший с ума может подозревать такую женщину, как она! Достоверно известно лишь только то, что он тоже уехал со своей виллы на следующий же день после твоего приезда...

Джорджо. После моего приезда?

Респи. Да.

Джорджо. И какая тут связь?

Респи. Не знаю... Он отправился в город и вел себя там как-то странно, совершая совершенно невероятные поступки... Казалось, он только и ищет

что-нибудь, чем разнести вдребезги всю мебель Биче...

Джорджо. Да что ты говоришь?!

Респи. Мы срочно позвонили на его виллу. Донна Биче, узнав, что творится с ее мужем, тут же примчалась в город и нашла его в ужасном состоянии... Не знаю даже, как тебе объяснить... Кто его видел, говорят, что его невозможно было узнать. Когда кто-то обращался к нему, он на всех смотрел отсутствующим взглядом. Но тут же его глаза вдруг зажигались ярким светом, он начинал пристально смотреть в сторону собеседника, вначале как бы издали, краешком глаза, словно что-то пытаюсь разгадать. Все видели, что с ним что-то творится, но в страхе окружая его, ничего не могли понять. Он потихоньку приближался к собеседнику, не сводя с него глаз. Да, именно так. Он кладет тебе руки на плечи и, кажется, выискивает в твоих глазах какую-то тайну. И смотрит так пристально, что наводит на тебя дикий страх. У него дрожат губы, произносятся слова, смысл которых невозможно уловить. Это какой-то ужас!

Джорджо. Почему же ужас? Достаточно не обращать на него внимания и не подавать виду.

Респи. Черт подери! Но как это сделать, если кто-то смотрит на тебя таким испытывающим взглядом, что ему удастся проникнуть в тайные глубины твоей совести и поднять оттуда на свет божий все нечистоты, которых хватает у каждого из нас?

Входит Джиневра.

Джорджо. Респи мне тут рассказывает...

Респи. Добрый день, Джиневра.

Джиневра. Добрый день, Респи.

Респи. Я нахожусь в диком замешательстве и хотел бы переговорить именно с вами.

Джорджо. Кажется, Ромео Дадди... внезапно сошел с ума.

Джиневра. Не может быть! Сошел с ума? Как это... (*Начинает едва заметно шататься, словно ее оставили силы.*) Как это сошел с ума?

Джорджо. Да, именно так, и настолько сильно, что его шатает из стороны в сторону.

Джиневра. Нет! Не может быть. Ничего раньше не предвещало такого. Так сразу...

Респи. "Какой кошмар! Какой удар!" — те слова, которые он, кажется, говорит постоянно про себя!

Джиневра. Кто?

Респи. Он! Глядя прямо вам в глаза. Все время повторяя про себя одни и те же слова: "Какой кошмар!"

Джорджо. Это не шутка. Речь идет о душе Биче. Ты это поняла? Кошмар — это душа Биче.

Джиневра. А... Это из-за нее?

Джорджо. Он страшно ее ревнует.

Респи. Он мучает ее ужасно уже десять дней.

Джорджо. Это невероятно! Невероятно!

Респи. И она вместо того, чтобы чувствовать себя обиженной и разгневанной, наоборот, раз-

рушает свое здоровье жалостью к нему. Никто не может знать этого лучше меня...

Джиневра (*прерывает его*). Возможно, он неожиданно застал вас как-то за беседой наедине?

Респи (*немного смущенный странным вопросом*). Нет! Вы имеете в виду в последнее время? Раньше да, такое случалось, и много раз.

Джорджо (*приходит ему на помощь, улыбаясь*). А! Значит, такое уже было. И ты...

Респи (*не скрывая раздражения*). А при чем тут я? Мне постоянно надо бывать на свежем воздухе. Взобраться на вершину какой-нибудь горы или отправиться еще куда-нибудь... Не знаю куда.

Джорджо. Ты же не станешь отрицать, что долго ухаживал за ней?

Респи. И никогда не мог добиться от нее ничего больше снисходительной улыбки...

Джорджо. Я тебе это говорю, потому что совершенно уверен в том, что говорю.

Респи (*продолжает свою предыдущую фразу*). А слова ее лились с тем спокойствием, которое отличает только людей чистых в помыслах и твердо уверенных в себе.

Джорджо (*испытывая удовлетворение*). Да-да, чистых людей...

Респи. И никогда она не выказывала какой-то обиды или гнева. Она мне только дала понять... — да как деликатно! — что моя настойчивость здесь бесполезна. Поскольку она — точно так же, как и я, и даже сильнее — влюблена в своего мужа. И что если я действительно люблю ее, то должен понять, что она не может предать свою любовь никоим образом. Если бы я этого не понял, то это значило бы, что я ее не любил, а если я не любил на самом деле, то тогда...

Джорджо (*прерывает его*). Как я узнаю ее в твоих словах! Да, она чиста, как морская вода под обрывистыми берегами, куда трудно добраться, и столь же целомудренна. Настолько, что, каким бы сильным ни было желание добраться туда в жару и найти там божественное вознаграждение за все эти ниспосланные духотой муки, ты испытываешь, однако, почти святое благоговение перед этим чудом природы и не можешь позволить себе удовольствие окунуться безотчетно в эти целебные воды с головой.

Джиневра. Это верно лишь при условии, что кто-то до тебя уже не успел окунуться в них.

Респи (*Джорджо*). Нет-нет! Это благоговение, именно благоговение, о котором ты говоришь. Я всегда испытывал его перед нею, приближаясь к ней. И только лишь в эти проклятые пять дней, которые провел недавно на их вилле, я все же, охваченный дикой страстью...

Джиневра. Вот тебе и... морская вода.

Респи. Да, признаюсь, на этот раз я не справился с нахлынувшими на меня чувствами, решил выйти за пределы моего обычного благоговения к ней и был ею решительно отвергнут. Сейчас это вызывает у меня мучительное беспокойство, и вы, Джиневра... вы ведь тоже были там... возможно, един-

ственная на всем этом свете можете снять с меня это беспокойство или, к сожалению, подтвердить обоснованность моих подозрений в том, что волнение, которое я причинил ей, заметил ее муж!

Джиневра. Если говорить о волнении, то можете не беспокоиться. Ее муж его не заметил, дорогой Респи. Успокойтесь. Даже если это волнение было, то она быстро справилась с ним после вашего отъезда.

Респи. А! Хорошо, если так...

Джиневра (*коварно улыбаясь*). Ромео тут же замечает все.

Респи. Как это все?

Джиневра. Я тоже замечаю все, дорогой. Чтобы заметить это, не нужно особо напрягаться. Но в любом случае не надо разыгрывать из этого трагедию. И если я скажу вам всю правду...

Респи. Скажите, скажите, прошу вас!..

Джиневра. А вам не станет плохо?..

Респи. Нет-нет! Просту вас, говорите!

Джиневра. Когда Биче рассказала ему об этом, то они хорошенечко посмеялись над этой историей! Причем Биче смеялась меньше всего!

Респи (*шокированный ее словами*). Вы говорите, она посмеялась над этим?

Джиневра. Да, друг мой. Но совершенно беззлбно.

Респи. Не побоявшись сама все рассказать мужу?

Джиневра. Естественно, как о чем-то уже давно ему известном. Можете быть уверенными, что она тут же вас пожалела и закончила свою речь словами: “Этот бедный Никола...”

Респи. Я не нуждаюсь ни в какой жалости. Я больше беспокоюсь за нее. Спрашиваю вас: чем тогда можно объяснить, что она вначале посмеялась над этой историей, как вы говорите?

Джорджо. Да ты хоть знаешь о том, что Ромео сейчас страшно ревнует к тебе?

Респи. Нет, я ничего не знаю. Я тоже прибыл к себе этим утром и узнал эту хорошенькую новость. Мне о ней сообщил синьор Тральди. Ты его знаешь. Кажется, сейчас в теннисном клубе только и говорят, что об этом. В моей голове тут промелькнула мысль, что и я тоже каким-то образом мог повлиять на его нынешнее поведение. Но это так, одно из самых абсурдных предположений, которое не стоит сбрасывать со счетов при рассмотрении обстоятельств какого-то сумасшествия. Но если вы, дорогая Джиневра, его полностью исключаете из рассмотрения, то я, с моей стороны, могу быть только рад.

Джиневра. Э нет! Не торопитесь. Я теперь не берусь ничего исключать после ваших решительных утверждений, что он сошел с ума. Тем более что вы пришли сюда к нам именно для того, чтобы рассказать нам об этом...

Джорджо. Действительно. И говорите нам сейчас об этом как о чем-то не очень значительном.

Респн. Я вам говорю о том, что мне рассказал синьор Тральди. Он буквально ошарашил меня этой новостью. Он подозвал меня к себе, одновременно возясь со своими чемоданами...

Джорджо (*словно вдруг осененный какой-то идеей*). Вот что я скажу вам: это какая-то нелепость, наложенная на другую нелепость. Я вовсе не намерен разбираться в этих делах.

Джиневра (*задетая за живое*). А кто сказал, что ты должен в них разбираться?! Как тебе такое могло прийти в голову?

Джорджо. Если это случилось сразу же после нашего отъезда... Поэтому я и говорю, что это какая-то нелепость, наложенная на другую нелепость.

Джиневра (*тронутая его словами*). Кто тебе это сказал?

Джорджо (*показывая на Респн*). Он. Он сказал, что муж Биче появился в городе и ищет что-нибудь такое, чтобы разнести мебель Биче вдребезги...

Джиневра. Да это же самое настоящее безумие!

Джорджо. А что ты хочешь, если он сумасшедший.

Джиневра (*после небольшой паузы и глубокого раздумья*). Я хотела бы его вначале увидеть.

Джорджо. Ты что, не веришь в это? К тому же тот шикарный прием, который оказала мне Биче...

Джиневра. Нет, об этом ты даже и не думай. Ты здесь совершенно ни при чем. (*Показывает на Респн*.) Скорее всего, здесь замешан он! (*Ему*.) Возможно, что вначале, находясь в здравом уме, муж Биче и посмеялся над вашими ухаживаниями, но затем все хорошенько взвесив...

Джорджо. Несомненно, с ним что-то случилось, чего мы не знаем.

Респн (*Джиневре*). Вы сами спросили меня вначале, не приходилось ли ему застать нас случайно за разговором наедине.

Джиневра (*ошеломленная его словами*). Я?

Джорджо. Да, ты. Ты его спросила об этом. И этот вопрос произвел впечатление на меня тоже.

Джиневра (*смущенная, не зная, что ответить*). Видишь ли... потому что подозрение это такая штука, которая... часто может возникнуть неожиданно, если ты начинаешь думать о чем-то таком, о чем раньше даже не задумывался. Но эта штука, рассмотренная под другим углом зрения...

Джорджо. Если ты начинаешь думать о чем-то, о чем никогда ранее не задумывался! Но какая тогда должна появиться причина, чтобы ты стал вдруг думать иначе? Вот где собака зарыта! Причина, из-за которой он стал думать иначе. Надо найти ее. Ты ее знаешь?

Джиневра. Я?

Джорджо. У меня такое ощущение, что ты должна знать ее.

Джиневра. Что ты такое говоришь?! Откуда я могу знать ее?

Джорджо. Ты сама сказала, что он мог застать их, когда они говорили наедине. Да и он тоже подтвердил, что это было неоднократно. С какой стати

тогда он стал думать иначе, в чем причина? Таким образом, ты допускаешь, что здесь может крыться причина этого безумия?

Джиневра. Да нет же! С чего ты это взял?..

Джорджо. Но тогда извини. С чего это ты вдруг стала интересоваться этим?! Оставим в покое бедняжку Биче. Да, любая жена, застигнутая врасплох мужем, когда она говорит наедине с его другом...

Джиневра. Да еще когда муж знает, что друг ухаживает за его женой...

Джорджо. Но он над этим хорошенько посмеялся, ты сама сказала. Поэтому сам факт не должен был вызвать у него такого бешенства. Это ясно как божий день. Ты говоришь, что это случилось потом. Он стал думать обо всем этом иначе — потом! И почему же?

Респн. Ты что, хочешь узнать причину, из-за чего кто-то может сойти с ума?

Джиневра. Да мало ли из-за чего! Ему могли прийти неожиданно в голову самые невероятные вещи...

Джорджо. Мне кажется это невозможным. Вы что, хотите, чтобы я поверил тому, что это могло случиться с Ромео Дадди беспричинно, да еще при такой жене, как Биче... Я его знаю еще с юношеских лет. Мы выросли, можно сказать, вместе. А Биче для меня всегда была как сестра. Надо будет обязательно навестить их. Ты как, готова к ним пойти?

Джиневра. Если ты хочешь, и я тоже могла бы отправиться к ним. Но может быть, лучше, если сначала ты отправишься один...

Джорджо. Но почему я один? Ты была у них целых три месяца. Извини меня, дорогая, но ты мне кажешься немного какой-то...

Джиневра. Да нет же, не может быть. И кем же ты меня видишь?

Джорджо. Не знаю, но ты мне кажешься немного возбужденной.

Джиневра. Я? Да я ничуть этого не чувствую. И чем же я, по-твоему, возбуждена?

Джорджо. Да-да, и я уже тебе сказал чем. Хотя бы тем, что ты допускаешь, что Биче небезгрешна и ее вполне можно в чем-то подозревать.

Джиневра. Мне только не хватает, чтобы и ты сейчас сошел с ума.

Джорджо. При чем тут это? С чего бы мне сходить с ума?

Джиневра. Ты пытаешься вбить мне в голову вещи, о которых я не думаю.

Джорджо. Извини, но у меня создалось такое впечатление. И знаешь, я тебе это говорю вполне серьезно.

Джиневра. Я тоже люблю Биче как сестру и знаю, что...

Джорджо. Знаешь что?..

Джиневра. Что она такая же, как я, точь-в-точь, созданная только для мужа.

Джорджо. Но тогда почему ты не хочешь на-

вестить ее?

Джиневра. Конечно же я навещу ее, ты можешь в этом и не сомневаться. Только меня смущает...

Респи. А вот и сама донна Биче!

Появляется донна Биче.

Джорджо (*с подчеркнутым вниманием*). О Биче! А я как раз собирался навещать тебя.

Биче (*растроганная, готовая вот-вот расплакаться*). Дорогой Джорджо!

Джиневра. Биче!

Биче обнимает Джиневру, дрожа всем телом, с судорожным плачем.

Джорджо. Она как раз только что говорила, что любит тебя как сестру.

Биче (*прижимая Джиневру к себе*). Я знаю, моя Джиневра. Я это знаю.

Респи (*смущенный, словно чувствуя себя в чем-то виноватым*). Дорогая графиня!

Биче (*тоже, в свою очередь, смущенная*). Ради бога, хоть вы пощадите меня, Никола...

Респи. Вы что хотите, чтобы я удалился?

Биче. Он собирается прийти сюда. Я знаю, что он преследует меня. Он сейчас намного спокойнее, чем раньше. И я не хотела бы, чтобы он встретил вас здесь.

Респи. Я тут же уйду, не волнуйтесь.

Биче. Нет-нет, подождите, вначале надо будет удостовериться в том, что он вас не увидит, когда вы будете уходить.

Джорджо. Об этом позабочусь я, можете не сомневаться. Пошли, Респи.

Респи делает прощальный жест и удаляется с Джорджо.

Джиневра. Он что, подозревает именно его?

Биче. Всех! Всех. И его тоже. Но это вовсе не подозрения... А какая-то странная вещь...

Джиневра. И что же это может быть?

Биче. Я даже не знаю, что тебе сказать. Это что-то такое, в чем непросто разобраться...

Джиневра. Как это? Он так и говорит?

Биче. Да, это одна вещь, в которой, если послушать его, нельзя даже никак обвинить.

Джиневра. И что это тогда? Если в этом нельзя даже обвинить?

Биче. Как такое может быть? Ума не приложу!

Джиневра. Но если он это сам говорит, то значит, может.

Биче. Но что бы это могло значить? Ты можешь меня понять? Он смотрит мне прямо в глаза... Но какими глазами! Если бы только их видела! И смеется...

Джиневра. Смеется? И как он смеется?..

Биче. Так, что от его смеха идут буквально мурашки по телу. И тут же спрашивает: "Ты можешь понять, что от него ничего, ничего не осталось? Его все забыли. Можно сказать, он исчез с лица Земли!" Причем говорит таким уверенным тоном, что никто бы так сказать не мог. И тут же начинает утверждать, что знает, кто это может быть. Знает! Потом принимается говорить слова, вроде бы лишние смысла... но вскоре замечаешь, что это во-

все не так, поскольку он ссылается на вполне конкретные вещи...

Джиневра. Как понимать "на вполне конкретные вещи"? Что ты имеешь в виду?

Биче. Он начинает ссылаться на вполне определенных людей...

Джиневра. На определенных людей? И на кого же?

Биче. Кажется, что они находятся перед ним, но он не называет их имен...

Джиневра. И что он говорит?

Биче. Он говорит о вещах, которые я не понимаю. Но так, словно он их видит... как бы правильно выразиться... реально существующими. Да, точно: реально существующими и очевидными...

Джиневра. И что это за вещи?

Биче. Вещи, которые никому не могут прийти в голову. Кажется, что он отыскивает их в своей памяти специально для того, чтобы пережить их вновь и вновь. Он их находит там, в глухих потемках, куда никто не может заглянуть, кроме него.

Джиневра. В таком случае, он самый настоящий сумасшедший. Сумасшедший! И то, что он несет подобное, не назовешь иначе как галлюцинациями.

Биче. В нем как будто произошел сильнейший душевный надлом, заставивший его появиться здесь.

Джиневра. Ты в этом уверена?

Биче. Еще как! Глаза! Все видно по его глазам. И потом, он никогда еще не говорил подобным образом. Да, он говорит иногда также о вещах, которые наводят на тебя ужас, словно ты виноват в них, о твоих мыслях, неожиданно появившихся и столь же быстро исчезнувших, с такой трезвостью в суждениях, что у тебя возникает впечатление, что он тебя раздевает в этот момент догола, настолько, что ты неспособна больше поверить в то, что он сумасшедший.

Джиневра. Нет, извини меня, но он от этого кажется только еще больше сумасшедшим.

Биче. И почему ты так думаешь?

Джиневра. Да потому что он их не сдерживает, а говорит. Ты же никогда не говорила, и я тоже, да и вообще никто, о том, что может на миг посетить нашу голову или произойти в тайниках нашей души, произвольно, без какого-либо желания с нашей стороны. Или же что нам могут присниться, положим, какие-нибудь невинные убийства.

Биче (*изумляясь и одновременно пугаясь*). Джиневра!

Джиневра. Что это с тобой?

Биче. О боже! Ты говоришь так, словно уже слышала, как он об этом говорит...

Джиневра. Я?!

Биче. Да, ты. Как он об этом говорит! Называя вещи именно этими словами!

Джиневра. Невинными убийствами?

Биче. Да-да! Именно так.

Джиневра. Прости меня, а кто их не совершал в своей жизни?

Биче (*все еще пораженная услышанным*). Это просто невероятно, но он задает мне тот же самый вопрос.

Джиневра (*высокомерно*). Но это естественно, дорогая, если ты меня принуждаешь говорить, как и он, о вещах, о которых никто никогда не говорит, за исключением сумасшедших, которые еще хуже твоего мужа! Да-да! Которые еще хуже твоего мужа. Если для него они “невинные”, то тогда почему он о них говорит и мучает тебя? Меня все это возмущает. Возмущает!

В этот момент вместе с Джорджо появляется Ромео Дадди.

Ромео (*успевает услышать последнее восклицание Джиневры*). Нет, дорогая моя! И я попрошу тебя не возмущаться. Поскольку я делаю это с одной-единственной целью найти тому оправдание, дорогая моя. Лишь только для того, чтобы понять, что произошло на самом деле, и найти этому оправдание.

Джиневра. Но тогда почему ты об этом заявляешь громко перед всеми?

Ромео (*смотрит по сторонам с нерешительным видом*). А я разве заявляю об этом еще где-то?

Джиневра. Может показаться, что ты задался целью раскрыть все наши секреты.

Ромео (*хитро прищурившись, с отрицательным жестом*). Нет, это меня не убедило. Нет, нет! Это меня не убедило. Такое нельзя делать даже ради шутки. Это равносильно тому, если бы у нас вдруг создали трибунал для раскрытия настоящих убийств. Нам только этого не хватало.

Джорджо. А какими могли бы быть эти настоящие убийства? И если ты что-то ставишь в вину Биче, то еще большее право ты имеешь вменить их мне, так как я их совершил великое множество.

Ромео. Не ты один, дорогой. Мы все их совершили.

Джорджо. О, уже неплохо, если ты говоришь, что мы все их совершили.

Ромео. Единственное утешение, что об этом никто ничего не знает. А это тебе разве кажется мало? В этом деле главное не попасться с поличным. Лоб просто так не прошибешь чем-то. Мысли на нем не написаны. Ты можешь — посмотри на меня — даже изобразить улыбку на лице. Вот так.

Джорджо (*воспринимает его слова буквально*). А почему бы и нет? Вот, пожалуйста, полюбуйся.

Ромео. Что я могу сказать. У тебя, мой бедный Джорджо, это получилось просто великолепно. Но беда в том, что и другие могут сделать то же самое. И подобная штука может оказаться на самом деле еще ужаснее. Ты только подумай. Ведь каждый индивидуум может посчитать себя совершенно невинным в том, что произошло. Ты меня понимаешь? Может отказаться брать эти убийства на свою совесть. Потому что он их не желал.

Джорджо. Вот именно. Тем более если он их не

желал.

Джиневра (*имея в виду то, что раньше сказала Биче*). Вот именно.

Ромео. Но он их совершает! В этом-то и заключается вся проблема. Неизвестно как, но он их совершает!

Джорджо. А нельзя ли, собрав всю свою волю, не совершать их?

Ромео. Как ты думаешь, какое место в нашей жизни занимает сила воли? Ты можешь ею воспользоваться лишь только в редких случаях и с трудом поверишь тому, что тебе удалось услышать или узнать. Но даже если ты прореагируешь на то, что узнал, то тут же крепко ударишься головой об стенку или окажешься в крошечных потемках. И чего ты этим добьешься?

Джорджо. Я знаю, например, что твоя жена...

Ромео (*выглядит раздосадованным*). Да, я знаю, что она вне любых подозрений. (*Между тем показывает глазами, что посчитает за честь бросить всем вызов.*) Более того: как и твоя тоже. Тебе этого достаточно? Я повторяю: как и твоя тоже. Однако я не знаю, почему она смущается под напором моих глаз, как только я на нее взгляну? Она вызывает у меня жалость. (*Показывая на Биче.*) Вот, пожалуйста. Она уже плачет.

Джиневра (*перебивает его, возмущенная*). Это жестоко!

Джорджо (*призывает Биче держаться*). Нет-нет! Не плачь, Биче! Не падай духом. Не падай!..

Биче (*сквозь слезы, показывая на Ромео*). Это все из-за него!..

Ромео (*Джиневре*). Ты слышала? Она говорит, что это все из-за меня. Словно вся эта жестокость относится исключительно ко мне. (*Биче.*) Прости, я ничего не придумываю? Но я прошу тебя, дорогая, не плачь. Поскольку возможно ты действительно лишь одна на свете, с кем никогда ничего подобного не происходило. Ты всегда все знаешь о себе, а потому всегда знаешь, чего ты хочешь. Ты как зеркало — никогда ничего не утаиваешь.

Джиневра. Она как морская вода, сказал Джорджо. Чистая и невинная.

Ромео. Вот видишь! И Джорджо такого же мнения. За исключением, может быть, только тех случаев, когда я тебе казался слишком надоедливым...

Биче. Да нет же! Такого никогда не было и в помине. Ты это прекрасно знаешь.

Ромео. Кроме всего того, о чем знаешь ты только одна. Именно там кроется разгадка всему происходящему, дорогая, и где теряются все следы. Раз и навсегда!

Джиневра (*с категорическим утверждением*). Биче никогда не теряла своей выдержки и рассудка.

Ромео (*вдруг резко меняет тон, показывая Биче на Джиневру*). Вот, посмотри и поучись, как

гордо смотрит мне в лицо Джиневра. Она да, вне любых подозрений. Вся! Вся ушедшая в сокровенные уголки души своего мужа и его мыслей.

Джиневра (*смотрит на него почти презрительно*). Ты рассуждаешь как какой-нибудь сумасшедший. Но это неправда. Я тебе не верю.

Джорджо. Это так и есть. Это было видно с самого начала разговора.

Джиневра. Вот, пожалуйста. Он может быть тому свидетелем.

Джорджо. И набросился на нее как какой-нибудь сумасшедший...

Ромео. Поэтому она, естественно, возмутилась!..

Биче (*словно бы про себя*). Как если бы он хотел снять с себя вину за что-то...

Джиневра (*сразу поняв ее намек*). А что, ты разве такая уж безгрешная?! Он хочет разобраться, что сейчас с тобой происходит. Разве ты этого не видишь? И поэтому он заставляет тебя мучиться.

Ромео. Нет-нет! Это абсолютно исключено. Разве я тронул когда-нибудь хотя бы один волосок с твоей головы?

Джиневра. Ты вовсе никакой не сумасшедший. А только прикидываешься им.

Ромео (*бледнеет, резко погружаясь в странную, неожиданную печаль*). Я хотел бы им стать, Джиневра, на самом деле. Это было бы очень удобно — скрывать свои мысли под маской. Но мне не удается сделать это так, как хотелось бы мне. И их нелегко выдаю.

Джиневра (*агрессивно*). Но тогда скажи мне, чем ты сейчас занимаешься? Ты можешь ответить на мой вопрос? Можешь смотреть мне прямо в глаза? А ну смотри на меня! Я тоже буду смотреть тебе в глаза. Да, я влюблена до самых сокровенных уголков души в моего мужа. Ну что ты можешь ответить мне?

Ромео. Я просто восхищаюсь тобой!..

Джорджо (*ошеломленный услышанным*). Прости меня, но при чем тут это?

Ромео. А при том, что я восхищаюсь ею, Джорджо. Это мне очень важно, чтобы прийти в себя. Прекрасный прием! Я бросаюсь в явную авантюру и рискую тем, что меня, в конце концов, признают не сумасшедшим!

Джорджо. Да. Я тоже сказал, что тебе надо обратиться и сопротивляться.

Ромео. Да. Легко сказать, чтобы я сопротивлялся. И выступил на защиту наших социальных законов, этой нашей гражданской жизни. Но честно вам скажу, что я хочу оправдать мои действия. У меня нет другой цели, кроме этой. Если бы это было не так, то мне не оставалось бы ничего другого, как отправиться и отдать себя в руки правосудия.

Джорджо. Это самое малое, что можно сделать в подобной ситуации.

Ромео. К счастью, так устроена вся наша жизнь. Неизвестно как! И сила воли тут не имеет никакого значения. Я хотел бы узнать, кто сказал вам, что я сумасшедший? Я им точно не являюсь. Я так думаю сейчас, потому что вижу все. Вижу

все!

Джорджо. И что ты видишь?

Ромео. Я вижу даже то, чего обычно мудрые люди не знают и не хотят замечать.

Джорджо. Но несколько дней тому назад ты тоже был таким же “мудрым”, мой дорогой Ромео.

Ромео (*с легкостью, без напряжения*). Это потому, что я тогда еще ничего не видел. А сейчас я вижу все. Но я это никому не ставлю в вину, поверьте мне. Черт меня дернул одеться так тепло, а теперь мне приходится потеть.

Джорджо (*изумленный, как и все другие*). Потеть? Ты что имеешь в виду?

Ромео (*выделяя слова, с серьезным видом, полным сожаления и восхищения*). Джорджо, ты сказал одну великолепную фразу: жизнь — это хорошая штука, но при условии, если ты веришь в нее, а не когда ее знаешь.

Джорджо (*ошеломленный*). Неужели я мог сказать такое?! Даже не верится.

Ромео (*не реагируя на его изумление*). А что, разве ты не говорил ничего подобного? Извини меня. Я так подумал, поскольку, как мне кажется, любой матрос должен думать аналогичным образом.

Джорджо. Любого матроса? Это почему же?

Ромео. Да потому что матросу что-либо знать — все равно что идти на верную смерть!

Джорджо. А что? Разве матрос не должен знать, что его ждет в плавании?

Ромео. Нет. Он только должен верить в благоприятный исход своего плавания.

Джорджо. Это верно. Слава богу, я тоже верю в это.

Ромео. Меня буквально всего прошибло потом. Я сказал дома нашему слуге Филиппо, чтобы он не приносил мне такое теплое пальто! (*Биче*.) Но ты же знаешь его, какой он... Вот так всегда, дорогой Джорджо: все превращается в самые обычные банальности. Вещи, которыми ты занимаешься, становятся известными абсолютно всем. (*Джиневре*.) И пожалуйста, Джиневра, воспринимай это без обиды! (*Отходит в сторону и садится на балюстраду террасы*.)

Джорджо (*тихо, Биче и Джиневре*). Надо же говорить все так бессвязно!

Биче (*грустная, совершенно подавленная*). Он уже привык разговаривать таким образом. Начинает вдруг обсуждать что-то и заговаривается, не отдавая себе отчета в том, что речь идет об очевидных фактах.

Джиневра. С нами со всеми происходит подобное, если мы начинаем неожиданно думать о чем-либо или сталкиваемся с чем-то необычным или случайным. Возможно, он это делает нарочно, чтобы запутать нас всех.

Следует небольшая пауза.

Биче (*смущенная*). Интересно, а на что он там смотрит?

Ромео (*в наступившей тишине*). Я люблюсь

этой изумительной волшебной картиной, открывшейся передо мной, дорогая. И представляю себе, что люблю закатом солнца и ни о чем не думаю. Ни о каком сознании нет и речи — я с ним попрощался. Я просто путешествую в пространстве, скользя глазами по морской глади.

Джорджо. Да, это здорово!

Ромео. И море может показаться тебе таким таинственным, если ты не замечаешь его безграничного горизонта. В эту минуту кажется невероятным, что в мире где-то имеются бедняги, нуждающиеся в глотке вина или наркотиках, чтобы утонуть в каком-нибудь искусственном рае, поскольку жизнь так коротка, особенно та, что укладывается в нашем так называемом сознании... Да я тебе сейчас объясню, как все это представляю. Эти бедняги постоянно оказываются вне нашего внимания из-за размытости наших ощущений, из-за опьяняющей улады весеннего солнца, удивления таинственной тишиной, спектаклями, возникающими на небе, на море, в полетах ласточек. Да и внутри нас они не задерживаются из-за наших мыслей, выскальзывающих, как рыбки, из рук из-за резких переходов от одного воспоминания к другому или от убегающего из памяти какого-нибудь сильного впечатления. Кажется, что я тебя слушаю, но кто бы знал, какой ты мне представляешься! Да, я тебя слушаю, отвечаю на твои вопросы, живу тобой, но внутри себя и даже внешне нахожусь во власти необоснованных подозрений, которые не могу тебе выразить без того, чтобы не показаться тебе действительно сумасшедшим. Я прогуливаюсь, вижу много разных вещей, даже могу притронуться к ним и притрагиваюсь, но они не вызывают больше во мне ни одной мысли, никакого чувства и даже, возможно, никаких больше эмоций. Я смотрю на них и обнаруживаю внутри себя одни и те же мысли, одни и те же чувства. Они как тени, размытые вдаль. Я тоже ощущаю себя потерянным, словно в мучительной далекой ссылке. Разве ты можешь сказать... что я живу совестливой жизнью? Но при всем этом я все еще бодр и схватываю все на лету. А что со мной происходит, когда я сплю? Полжизни мы проводим во сне... Можно сказать, что происходит всегда одно и то же: все вокруг кажется тебе неясным, в каком-то подвешенном состоянии, переменчивым... Все буквально ходит ходуном и плывет перед глазами... Непостоянство нашей жизни не шадит даже застывшие ограды домов, которые попадают нам на дороге. И когда ты думаешь, что Бог не обидел тебя наличием совести, и когда ты установил, что каждая вещь представляет собой это или то, тебе остается совсем немного... Только признать, что твоя совесть основана ни на чем, поскольку вещи, в абсолютную неоспоримость которых ты веришь, могут оказаться на самом деле совсем не такими, какими ты их представлял прежде. Тебе достаточно лишь узнать нечто, чего ты не знал до этого, как твое бодрое состояние духа внезапно меняется. И тогда прощай любая совесть. Она тут же становится дру-

гой. И ты уже не можешь доверять тому, в чем ты был уверен еще совсем недавно. И куда только подевалась эта твоя уверенность?! Я думаю, что в тот момент, когда мы должны будем покинуть этот мир, для нас, возможно, самым большим сюрпризом, который нас ожидает, будет то, что нам захочется узнать о том, чего у нас не было в жизни. О том, что нам всегда казалось, что оно есть, а на самом деле не было. Какие-то звуки... Какие-то цвета. Все, что мы чувствовали до этого, о чем мы мечтали и что заставляло нас печалиться или, наоборот, радоваться — все это было на самом деле ничто. А сама смерть, эта неосознаваемая материя нашей жизни, как нам представляется она? Как угасание этого иллюзорного сознания, обжигающего, звучного и сверкающего всеми цветами радуги... Такойывывод мы, возможно, делаем, чтобы спокойно помянуть одни наши причуды на другие загадочные иллюзии.

Джорджо. Я слушаю тебя совершенно потрясенный. Как такое может быть? Чтобы ты, Ромео...

Ромео. Да, я... Ты что, удивлен моими словами? А ты, Джорджо, на этой террасе разве не можешь припомнить из своей жизни какой-нибудь день на закате солнца, когда ты засомневался, что возможно то, что тебя окружало, не было правдоподобно?

Джорджо. Да, такое было. И часто. Ну и что из того?

Ромео. И все это не имело никаких последствий?

Джорджо. Нет! Но позволь, каких таких последствий?

Ромео. Ха! Видишь ли, когда все вокруг тебя не кажется столь вероятным, то и то, что ты делаешь, тоже может показаться чем-то невероятным.

Джорджо. Нет, дорогой, это совсем не так. Тогда, спрашивается, почему ты вдруг в такие моменты все приходишь в движение?..

Ромео. Потому что в такие моменты ты тут же начинаешь все понимать. А как же может быть иначе? И ты приходишь в движение — именно потому, что ты все понял. А что если это волшебное мгновение захватывает тебя настолько сильно, что ты уже не отдаешь себе отчета в том, что это с тобой происходит? Признайся, что такое с тобой бывает. Бывает! И ты больше не узнаешь самого себя. Ты не можешь вспомнить даже, где ты находишься и с кем... Что с тобой рядом женщина, на которую до этого ты никогда не обращал серьезного внимания... Но которая знает, какую радость тебе доставляет одна только возможность увидеть ее тело, увидеть, как она двигается, услышать, как она смеется, и поговорить с ней. Но сам ты никогда не обмолвился с ней об этом и даже никогда не подумал сказать ей этого раньше. А все потому, что все это находится вне твоего понимания. Ты

испытываешь лишь удовольствие оттого, что видишь ее и слышишь...

Джорджо. Ты сейчас говоришь о Биче?

Ромео. Нет-нет, не о ней! Я тебя сейчас совсем не узнаю. Я тебя мысленно сейчас вижу совсем другим, который говорит своей женщине: “Но вы даже не представляете себе, насколько все движения вашего тела и все невольные жесты не соответствуют умным словам, которые вы произносите!” На что она отвечает: “Вы имеете в виду меня? Но это происходит, мой бедный Никола, по той простой причине, что и мое тело также испытывает огромное удовольствие. И не потому, что оно любит вас, а потому что испытывает удовольствие”.

Биче. О боже! Он снова начинает все сначала!

Ромео. Нет, дорогая! Я это говорю, поскольку так бывает на самом деле... Если у тебя такого никогда не случалось, то это еще не значит...

Биче (*болезненно реагирует на его слова*). Знаешь, со мной тоже такое случалось. И я...

Джорджо (*взрываясь*). Как же, как же, мы знаем, что над всем этим он посмеялся вместе с тобой.

Биче. Что касается меня, то я этому вовсе не смеялась...

Ромео. Да, да! Ты над этим смеялась. Смеялась. Да еще как!

Джиневра (*возмущенная*). Нет, это неправда! И если кто-то и посмеялся, то уж точно не мы двое. А вот ты посмеялся. Это факт.

Ромео. Я — да. Да еще как! Тогда чем бы ты могла объяснить ту сумасшедшую страсть, которая может произвольно проснуться в нашем теле сама по себе? Такую трепетную, вспыхнувшую в самых сокровенных тайниках нашей души? С которой ты не можешь справиться. Но ее появление прекрасно чувствует твоё тело, проснувшееся, как дерево после зимней спячки. Ты испытываешь от нее необычное, ни с чем не сравнимое блаженство, легкое, как шелест листьев на деревьях, и совершенно не отдаешь себе отчета в том, почему тебе так хочется беспричинно смеяться... Или же ты испытываешь такую негу, что она тебя доводит буквально до слез ни из-за чего...

Биче (*напуганная*). Ты это говоришь обо мне?

Ромео. Да, дорогая! И тогда достаточно лишь одного мгновенья... (*Джорджо.*) Незнакомец берет ее руки вот так. (*Берет руки Биче.*) Но может случиться, что это движение оказывается слишком резким... и тогда она хочет от них отбиться. Но все кончается тем, что она своим милым жестом молча отводит их в сторону и тут же закрывает глаза, забыв обо всем на свете. С ее лица тут же исчезает строгое выражение, и на нем, как в раскрытой книге, можно без особого труда прочитать, как оно наполняется томным, приятным ожиданием скорейшего наступления того желанного, божественного мгновенья, которого она устала ждать и в омут которого готова броситься без сожаления, не задумываясь...

Биче (*почти придя в ужас*). Да нет! Не может быть! Чтобы подобное случилось со мной? Когда

это было?

Ромео (*кричит*). Это было мгновенье, о котором ты больше не помнишь, дорогая! Об этом помнит сейчас только он. То, как ты перестала ощущать свое тело и как оно стало двигаться произвольно, само. Он абсолютно уверен в успешном исходе своей любовной авантюры и делает свое дело как воришка — незаметно. После чего все вдруг куда-то исчезает и в памяти наступает провал.

Джиневра (*вскакивает, с лицом, перекошенным от гнева*). Все, хватит, я больше не могу слушать то, что он говорит! Это выше моих сил!

Ромео (*тотчас же, строптиво*). Это потому, что я говорю о Биче? А?

Джорджо. Но позволь, Ромео! Как ты можешь вести подобный разговор?!

Ромео (*тут же, ему*). Я это делаю, чтобы простить ее. За секундную слабость и потерю контроля над своими чувствами.

Джиневра (*дрожит от гнева*). Но кто бы об этом говорил! Как тебе не стыдно!

Ромео. И действительно, это надо сказать обязательно, что после этого безумия все возвращается в норму, словно ничего и не было! (*Меняет тон; с отчаянием.*) Но чего вы в таком случае хотите от меня? Вы мне это можете сказать? Если вы не принимаете эти мои отступления? Вы можете мне это сказать? Вам что, надо осудить меня? Вынести мне свой приговор? Ты удивлен, Джорджо, что я говорю сейчас подобным образом? Но это уже слишком. Слишком! Такое может случиться один раз. Пару раз. Но все это убийства! Убийства, за которые тебе все равно придется искупать грех, да так, что ты и не обрадуешься. Я их и искупаю соответствующим образом, сходя сейчас с ума.

Джорджо (*изумленный, почти испуганный*). Прости меня, но о каких убийствах ты ведешь речь?

Ромео. Я говорю о настоящих убийствах. Потому что мне довелось совершить в моей жизни убийство. Ты хочешь это знать? Я совершил убийство.

Джорджо. Ты совершил убийство?

Ромео. Да, да! Я совершил убийство! Я совершил убийство! Как во сне! Но сделал это на самом деле. Сейчас меня не могут привлечь к суду, поскольку уже истек срок давности, предусмотренный законом для наказания за совершенное преступление. С тех пор прошло уже более тридцати лет.

Джорджо. О да, ты был тогда еще совсем юношей.

Ромео. Да, я был еще совсем юношей.

Джорджо. Ты это говоришь серьезно?

Биче. Что он говорит?! Да он никак бредит!

Ромео (*ей, сразу*). Нет, ничего я не брежу! (*Джорджо.*) И ты, между прочим, должен знать об этом случае.

Джорджо (*крайне изумленный*). О каком слу-

чае? Я о нем ничего не знаю.

Ромео. Это было совершенно невинное убийство. Как сон, который постоянно возвращается. Теперь ты понимаешь, Джиневра? Подобное происходит со мной именно потому, что этот сон постоянно возвращается. Возвращается, хотя я его уже давно похоронил. Этот сон оставался для меня на протяжении многих лет всего лишь только сном. (*Джорджо.*) Ты разве не помнишь того случая... мы были еще совсем детьми, когда нашли того мертвого деревенского парня на рассвете? С проломленной головой. Весь наш поселок прибежал, чтобы посмотреть на него. Ты еще хотел, чтобы и я тоже побежал с тобой взглянуть на него, но я не захотел этого сделать.

Джорджо (*удивленный до ужаса*). Так это был ты?

Ромео. Да, я. Это осталось нераскрытой тайной, что я убил его... Никто так и не узнал, что это сделал я... Я не хотел признаться в этом даже самому себе сразу же после того, как это произошло. Ты меня понимаешь? Это самое ужасное, что может произойти с человеком. И оно произошло. Не и з в е с т н о к а к ! И всего лишь из-за какой-то ящерицы.

Джорджо (*приходит на помощь*). А, понял, из-за той ящерицы, которая осталась там на большой плите!..

Ромео. Да, там! Это случилось еще и потому, что я был в тот вечер в ужасном настроении из-за той деревенской дороги, идущей наверх. Ты помнишь мою собаку, ее звали Фоксом?

Джорджо. Да, помню. Собака, которую ты держал в деревне.

Ромео. Она была со мной. У меня были под мышкой школьные учебники, связанные ремнем. Дома я обнаружил моей матери... Там вообще не было никого... Я пересек деревню, чтобы подняться на небольшой холмик. Оттуда хорошо просматривалась вся близлежащая местность. Мне ни о чем не хотелось думать. Я хотел только наслаждаться увиденным пейзажем. Ты случайно не замечал, что когда галка иногда забивается в копытца ослика, то он начинает дергаться и все кончается тем, что он останавливается и стоит как вкопанный? Но стоит ему дать хорошенького пинка, как он тут же пробуждается. И летит словно на крыльях. Одно удовольствие на него смотреть. Ты наверняка знаешь, как приятно сбивать верхушки травы у каменных заборов и особенно колоски овса. Они застревают у тебя между пальцами, когда ты их срываешь. Есть поверье, что когда ты их бросаешь в кого-то, то сколько их прицепится к одежде, столько у тебя будет мужей в жизни, если это женщина. И столько же жен, если они достанутся мужчине. Я как-то попробовал это на своем Фоксе. Получилось семь жен, но Фокс, мой старый глупый пес, только закрыл глаза и даже не шелохнулся, не поняв моей шутки... Со всеми семью женами на шкуре! Это я тебе рассказываю, чтобы ты имел представление, как все было. Но в какой-то момент у меня уже больше не было особого жела-

ния идти вперед. Я почувствовал, что устал и все мне надоело до чертиков. Тогда я уселся на каменную ограду с левой стороны дороги и стал разглядывать луну, которая начала светиться своим бледно-золотистым диском на фоне зеленых сумерек, опускавшихся на землю. Я ее видел и одновременно, можно сказать, не видел и не понимал тех мыслей, которые бродили в моей голове, переходя одна в другую и удаляясь от меня, сидящего там, на оградке, все дальше и дальше, настолько, что я уже больше их не ощущал. Даже моя собственная рука, если бы удалось ее увидеть, положив себе на колено, показалась бы мне рукой какого-то незнакомого человека. Она уже не была частью моего тела, а принадлежала к категории тех вещей, которые я видел и не видел. Этими вещами были небо со все более угасающими красками, луна, загорающаяся все сильнее и сильнее на небе, темные массы деревьев, которые смутно вырисовывались в воздухе, ставшем вдруг таким ненужным... И сама земля, черного цвета, размягченная недавно ударами мотыги и источавшая вокруг себя сильный, дурманящий запах сырости, вызванный духотой последних дней октября, когда солнце все еще светит в полную силу.

Джорджо. Да, это был октябрь месяц. Сейчас я отлично помню, что это был действительно октябрь.

Ромео. Я постоянно возвращаюсь к тому времени и все помню до глубочайших мелочей. Как если бы это было вчера и я все еще нахожусь там. Неожиданно, хотя я был полностью сосредоточен на своих наблюдениях, я вдруг почувствовал, как какая-то тень пробежала по моему телу... я мгновенно замер и инстинктивно поднес руку к уху. И услышал, как кто-то противно смеется вблизи ограды. Я сразу же догадался, что под ней спрятался какой-то деревенский парнишка. Я увидел, как он сорвал длинный стебель овса и на его конце стал сооружать петлю. И потом, молча подняв руку, попытался этим приспособлением поймать мое ухо. Я с досадой посмотрел на него и спросил, что это он себе такое позволяет. Он жестом дал мне понять, чтобы я молчал... И показал в сторону ограды. Там между камнями то и дело показывалась мордочка небольшой ящерицы, за которой он охотился, пытаясь поймать своей петлей. Затаив дыхание, я стал наблюдать за ним. Глупышка ящерица, не отдавая себе в том отчета, вдруг сама засунула головку в петлю, расставленную деревенским парнишкой. Но этого было недостаточно, требовалось, чтобы она еще немного высунулась из щели. Риск был в том, что она еще могла поменять свое намерение и снова залезть под камни. Если бы рука парнишки со стеблем овса дрогнула, то она могла бы догадаться, что может очутиться в ловушке. Возможно, почувствовав что-то недоброе и немного поколебавшись, она решила все же бе-

жать из своего укрытия, неожиданно превратившегося в самую настоящую тюрьму. Главное в тот момент — надо было быть чрезвычайно внимательным, чтобы вовремя рвануть стебель, затянув на ящерице петлю. Нужно было всего лишь одно мгновение! Ему удалось сделать такой рывок, и вот уже ящерица извивалась, как рыбка на кончике овсяного стебля! Я непроизвольно тут же спрыгнул с каменной ограды. Но парнишка, возможно испугавшись, что я хочу отобрать у него добычу, вдруг несколько раз прокрутив в воздухе пойманную ящерицу, ударил ее что есть силы о большую бетонную плиту, лежавшую в чахлой траве. “Нет!” — закричал я во все горло. Но было уже слишком поздно. Ящерица лежала неподвижно на бетонной плите вверх белым брюшком, освещаемым взошедшей луной... Я буквально задрожал от гнева. Признаюсь, я тоже хотел, чтобы парнишка поймал эту бедную глупышку, поскольку во мне тоже проснулся тогда инстинкт охотника, который более-менее развит в каждом из нас. Но убить ее просто так, даже не рассмотрев поближе... Не полюбоваться ее бездонными зоркими глазами, не обратить внимания, как у нее от страха трепетно вздымаются бока, и вообще не увидеть, как беспомощно дрожит это зеленое чудо природы... Я не мог себе такого представить. Нет, это было глупо и подло! Я не смог сдержаться и как коршун набросился на парнишку и ударил его изо всей силы кулаком в грудь. Так, что он повалился на землю, корчась от боли. Хотя, потеряв равновесие, пытался устоять на ногах. Очутившись на земле, он тут же поднялся и, совершенно расщипев, схватил здоровенный ком земли и запустил его мне прямо в лицо. Он буквально залепил мне глаза, я почувствовал во рту противный вкус грязи и полностью потерял над собою контроль. Недолго думая я тут же подобрал пригоршню грязи и остервенело швырнул в него. Дуэль, вспыхнувшая между нами, сразу стала бескомпромиссной. Но он был проворнее и опытнее меня и наседал все сильнее, швыряясь комьями земли. Они хотя и не ранили меня до крови, но колотили что надо. Эти тупые удары были довольно увесистыми. Комья земли разваливались на мелкие кусочки и словно град барабанили по всему моему телу... Попадали в грудь, сыпались по лицу, оказывались в волосах, залетали в уши и даже в туфли. Мне буквально нечем было дышать! Не зная, как лучше укрыться от этих ударов и защититься от непрерывных атак моего противника, разъяренный, я собрал все силы и в невероятном прыжке сумел схватить с каменной ограды небольшой камень. И недолго думая вдруг, сам не зная, что делаю, ударил этим камнем своего обидчика. И тут же... не знаю, что произошло, но все, что у меня было перед глазами — деревья, небо, луна с ее мягким светом, вдруг неожиданно, разом все исчезло. Ничего этого больше не было. И ничто больше не двигалось. Как будто остановилось само время и все предметы, окружавшие нас, замерли в смятении перед телом парнишки, кото-

рый только что рухнул на землю. Все еще в сильнейшем волнении, прислонившись к каменной ограде, я с ужасом прислушивался к невероятной тишине, окутавшей деревню, над которой взошла луна, и смотрел на парнишку, лежавшего лицом в землю, и все сильнее ощущал, как во мне растет чудовищное чувство вечного одиночества. Того одиночества, от которого надо было тотчас же бежать. Это была не моя вина. Я не хотел такого развития событий. Я совершенно не понимал, как это все могло произойти. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, просто из любопытства я приблизился к парнишке. Вначале на шаг, затем еще на один, потом наклонился над ним, чтобы разглядеть поближе. Голова у парнишки была разбита. Кровь стекала с губ прямо на черную землю, и одна нога была немного оголена...

Джорджо. Да, да! Я тоже это заметил!..

Ромео. Между подвернутыми штанами и бумажными носками. Он был мертв, словно никогда и не был живым! Все это казалось каким-то страшным сном, от которого мне следовало проснуться и унести отсюда ноги как можно быстрее. От этого страшного сна оставалась только ящерица, разбитая о каменную плиту, с брюшком освещенным луной, и стеблем овса, по-прежнему висящим на шее... Я собрался с духом и отправился в путь, как прежде, со связкой книг под мышкой и Фоксом, идущим за мной. Он тоже ничего не понимал из того, что здесь произошло. Постепенно, по мере того как, спускаясь с холма, я удалялся от того жуткого места, я обретал, как ни странно, все большую уверенность в себе. И осмелел настолько, что даже не стремился ускорить шаг. Вскоре я добрался до небольшой безлюдной площади, на которой недавно построили огромный госпиталь... (Джорджо.) Интересно, ты его еще помнишь?

Джорджо. Да, да. Я его отлично помню...

Ромео. И там тоже светила луна, но она оказалась мне совсем другой. Совершенно не догадываясь о том, что произошло до этого, она освещала белый фасад госпиталя. И вот я уже на улице, ведущей в мой поселок. Здесь все без изменений, как раньше. Так и добрался до дома. Там еще никого не было. Моя мать еще не вернулась. Поэтому не надо было даже объяснять, где я был все это время. Я решил, что скажу ей: был дома и ждал ее возвращения. Вот и все! И поскольку это будет принято моей матушкой как правда, не вызывающая сомнения, она автоматически станет правдой и для меня. И таким образом вопрос о том, где я был все это время, будет тут же закрыт. И похоронен навсегда. Я здесь ни при чем... Я с беспокойством попытался взглянуть в глаза моего песика Фокса. Но он уже успел заснуть... Я продолжал успокаивать себя... Нет, нет, ничего не случилось. К тому же я этого не хотел. Это был всего лишь

сон, неожиданно приснившийся мне там, в свете луны...

Биче, молча слушавшая рассказ Ромео, не выдерживает и, громко вскрикнув, убегает с террасы внутрь дома. Ее сопровождает Джорджо.

Скажи мне, Джиневра, как ты думаешь? Можно ли считать это убийством?

Джиневра (тоже взволнованная, расстроенная и плачущая). Нет, нет! Глупый! Ты заставил расплакаться и меня. Какое же это убийство, если ты не хотел этого...

Ромео. Но я совершил его. И это было первое убийство в моей жизни.

Джиневра. Прекращай! Тебя не должны мучить никакие угрызения совести. Тем более ты знаешь, как я люблю своего мужа.

Ромео. Но этих случаев у меня уже два. Это слишком много. Я схожу с ума. Я должен быть уверен, что такое может произойти со всеми. Со всеми.

Джиневра. Да, конечно, и с Биче тоже! А теперь, пожалуйста, помолчи.

Возвращается Джорджо.

Джорджо. Ромео, иди сюда. Биче плохо. Она хочет видеть тебя.

Ромео. Не волнуйся, я здесь и уже иду к ней.
Джорджо (направляется внутрь дома, задерживается рядом с Джиневрой, пораженный тем, насколько та взволнованна). Джиневра, в чем дело? Что это с тобой происходит?

Джиневра. Да так, ничего. Нет, нет! Это просто ужасно. Бедная Биче!

Действие второе

Там же, на следующий день, ближе к вечеру. На авансцене Джиневра и Биче. Судя по выражению их лиц, разговор между ними в этот момент перешел в не очень приятную фазу.

Биче. Нет, нет, Джиневра. Ты обязательно должна сказать мне что-нибудь об этом. Ты поняла что-то такое, чего мы не поняли.

Джиневра. Да нет же, дорогая. Я уже тебе сказала, что я поняла ничуть не больше, чем ты.

Биче. Этого не может быть.

Джиневра. Прости, но я никак не могу объяснить себе твою настойчивость.

Биче. Просто у меня такое впечатление, что ты что-то знаешь. Я сразу же догадалась.

Джиневра. А может быть, потому что я тебе сказала, на глазах у всех, включая и его, что он хочет видеть тебя всю насквозь и знать, чем ты дышишь?

Биче. Нет, не то!.. Это я и сама поняла. Для этого не нужно много ума. Я же хочу знать, что с ним произошло конкретно.

Джиневра. Разве ты уже не слышала? Тебе что, этого кажется мало?

Биче. Меня интересует вовсе не та ужасная история с тем юношей. Он ее рассказал просто так, в свое оправдание и чтобы увести разговор в сторону.

Джиневра. Только в свое оправдание?

Биче. Естественно. Разве ты не видишь, как он притворяется передо мной, будто не понимает, чего я хочу от него?

Джиневра. По-твоему, он это сказал только для своего оправдания? Оправдания чего?

Биче. Другого убийства, которое он совершил недавно, сам того не желая.

Джиневра. Ты так полагаешь?

Биче. Да! Почему ты меня об этом спрашиваешь? Ведь он сам в этом признался, именно тебе, Джиневра.

Джиневра. Мне? Что он совершил другое убийство? Нет. Ты его, очевидно, не так поняла.

Биче. Он ясно сказал, что сделал это вначале в первый раз. А затем во второй. “Это уже слишком!

Должен ли я за это ответить и искупить свою вину? Я ее искупаю тем, что начинаю потихоньку сходить с ума”. А ты не хочешь верить этому.

Джиневра. В другое убийство? Нет. Я в него не верю.

Биче. Я говорю, что он начинает потихоньку сходить с ума. Это имею в виду. И первым делом хочу понять, почему ты не хочешь согласиться с этим. Ты об этом тотчас же заявила...

Джиневра. Извини меня, Биче, но это выглядит так, словно ты пришла сюда, чтобы устроить мне допрос.

Биче. Нет-нет! И пожалуйста, не смотри на меня так недружелюбно.

Джиневра. Я?.. Ты это говоришь обо мне?

Биче. Да, о тебе. Ты смотришь на меня точно так же, как он.

Джиневра. Что ты выдумываешь! Я смотрю на тебя так, потому что не могу понять, чего ты хочешь от меня.

Биче. Я пришла, чтобы вместе с тобой понять, что с ним происходит. И чтобы ты мне помогла.

Джиневра. Извини, я не знаю, чем могу тебе помочь.

Биче. Ты же не станешь отрицать, что для тебя он вовсе не сумасшедший.

Джиневра. А, ты хочешь узнать, почему я не верю этому? Дело в том, что, говоря об этом, я ничего еще не знала об этой его истории, о том юноше...

Биче. О том, что случилось больше тридцати лет тому назад.

Джиневра. Как видишь, есть от чего сойти с ума.

Биче. Нет! Через тридцать лет — нет.

Джиневра. В любом случае, то убийство не было преднамеренным.

Биче. Да. Но он тем не менее прятал его все

тридцать лет в потаенных уголках своей совести. А тут вдруг неожиданно принялся каяться в нем. Все это ужасно! Почему он это сделал?

Джиневра. Ты хочешь услышать мое мнение?

Биче. Да, Джиневра. И еще: о каком втором убийстве он говорил?

Джиневра. Извини, теперь мне кажется, будто ты смотришь на меня его глазами, как если бы я могла тебе ответить на твой вопрос.

Биче. Эта перемена наступила в нем, как только ты уехала с Джорджо. Сразу же, как вы уехали. Ты знаешь, что он приходил сюда совершенно один.

Джиневра. Да, это так. Но подумай: если это было потом, как я могу знать, что с ним произошло?

Биче. Нет, это совсем не так: несчастье, случившееся с ним, надо увязать с чем-то, что произошло раньше, в последние дни у нас на вилле.

Джиневра (*пытаясь перевести разговор в другую плоскость*). Может быть, после отъезда Респи?

Биче (*поняв, куда она клонит; решительным тоном*). Нет, нет, Джиневра, я полностью исключаю, что причина его сумасшествия заключена в абсолютно невинных ухаживаниях бедняжки Респи.

Джиневра (*твердо, решительно*). А вот тут-то ты и ошибаешься, если не допускаешь такого.

Биче. Вот как! Стало быть, тебе кажется...

Джиневра. Мне ничего не кажется, если ты это отрицаешь.

Биче. Ясное дело, отрицаю. Но меня удивляет, как ты можешь верить всему этому.

Джиневра. Кто, я? Это совсем не так...

Биче. Что я совершенно неправа, не допуская даже подобной мысли...

Джиневра. Видишь ли, я имею в виду то, что он этого ничуть не исключает.

Биче. С чего бы это? Почему?

Джиневра. Да потому что он, возможно, хочет в это верить...

Биче. В то, что я?..

Джиневра. Нет, не в это! А в то, что если это могло случиться с ним...

Биче (*перебивая*). А стало быть, и ты видишь: с ним все же что-то случилось. Раньше ты все отрицала.

Джиневра (*раздраженно*). Ничего подобного! У меня нет никакого резона все это отрицать. Я говорю сейчас о том, что случилось с тем юношей. Все произошло тогда чисто случайно, непреднамеренно... В ту минуту он потерял рассудок. Я думаю, он ужасно хочет, чтобы мы поверили, что все так и было. То, что с ним случилось в тех обстоятельствах, могло произойти со всеми нами. Он сам сказал.

Биче. И кому же он это сказал?

Джиневра. О боже! Да он пытался внушить нам это всеми способами, Биче, потому что он не сумасшедший, уж поверь мне. Возможно, он начинает сходить с ума... и говорит об этом лишь для того, чтобы найти оправдание тому поступку, вымолить прощение. Разве ты этого не поняла? Прощение

кому? Прежде всего самому себе. За то убийство, в котором он нам покался.

Биче. Нет! Речь не только о нем.

Джиневра. Естественно. Речь идет и о другом убийстве, которое он, возможно, совершил. Если хочешь, я могу полностью согласиться с тобой, что это убийство было. Каким образом он хочет найти оправдание ему? Тем, что подобное может случиться с каждым без исключения, независимо от его воли. Откуда мне знать, что у него там на уме?! Ему в голову могут приходиться любые, самые невероятные мысли.

Биче. Например, что я с Респи?.. Нет, нет, Джиневра! Я полностью исключаю, что он может в такое поверить.

Джиневра (*холодно*). Но надо еще, чтобы ты его в этом убедила.

Биче (*пораженная в самое сердце*). Ты что, и дальше собираешься разговаривать со мной подобным образом?

Джиневра. А как бы ты хотела, чтобы я разговаривала с тобой? Я не вижу тут других вариантов. Если бы я их знала, то сказала бы тебе что-то другое.

Биче (*с вызовом*). А если бы ты знала что-то... ты готова была бы помочь мне?

Джиневра (*притворяясь, что не заметила ее негативной реакции*). Я? Ты имеешь в виду — смогла ли бы я попытаться в таком случае убедить его?

Биче (*еще более агрессивно*). Да, да... Ты! Убедить его в моей невиновности...

Джиневра (*разыгрывая удивление*). А почему бы и нет?! Это весьма любопытно. Ты меня прошишь об этом так, будто я хочу отказать тебе в этой любезности...

Биче (*готовый ответ*). Да, я говорю так, поскольку не уверена, что ты сможешь сделать это для меня.

Джиневра. Как ты можешь говорить такое?! Мне кажется, мы все здесь стараемся помочь тебе. Мы все выступили против него, а я больше всех, ты сама видела. Нам показалось, что он не только несправедлив, но и в чем-то подозревает тебя, словно какой-то безумец.

Биче. А, теперь и ты говоришь, что он ведет себя как безумец! Но если ты считаешь, что я неправа... настолько неправа... что даже не допускаю в мыслях, что подобное подозрение может у него зародиться в голове. Ты ведь это сама сказала. Видишь, как сама себе противоречишь?

Джиневра (*резко*). Короче, чего ты хочешь от меня, Биче? Я тебе уже сказала, что думаю о тебе в разговорах. Я не могу помочь тебе еще как-то иначе. Ты сама должна все это решить с ним. Джорджо завтра уезжает. Мне жаль — думаю, ты меня поймешь, — что он даже в эти последние два дня своего отпуска (*поднимается с кресла*) все еще должен заниматься этой историей, чуть ли не до последней минуты, перед са-

мым отъездом на корабль...

Биче. Ты что, гонишь меня?

Джиневра. Нет, извини, но мне не кажется справедливым, чтобы Джорджо из-за всего этого так волновался! Вы появились здесь, как только мы приехали, буквально осадили нас... Вначале Респи, с заранее подготовленной новостью...

Биче. А затем я...

Джиневра. Да, ты, а затем он. Это же самое настоящее несчастье — быть сейчас на твоём месте. Я это понимаю. Мы все тебе сочувствуем, всем сердцем, поверь. Я уже не говорю, как переживает за тебя Джорджо. Но я, а он и подавно, мы тут совершенно ни при чем! Извини, что я так говорю с тобой. Но ты вернулась и — не знаю, как сказать правильнее — чуть ли не набросилась на меня, стараясь выбить обещание помочь тебе и разобраться с тем, что происходит. Но я ничего не знаю и не могу тебе ничем помочь. Позвольте же ему, ради бога, уехать спокойно отсюда и с миром отправиться в плавание.

Появляется Ромео Да дди. Он выглядит веселым.

Ромео. А как Джорджо? Его что, нет здесь? Он где?

Биче (*сильно побледнев, решительно встает из кресла, судорожно дышит*). Пошли, Ромео, отсюда! Пошли.

Ромео. К чему такая спешка? Что-то случилось? Я пришел сюда, чтобы попросить у вас прощения за вчерашнюю выходку и попрощаться с ним перед его отъездом...

Джиневра (*резко*). Его сейчас нет! Он отправился на службу за инструкциями перед отправлением в рейс. Может быть, задержится...

Биче (*Ромео*). Пошли, пошли!.. Она нас гонит отсюда.

Ромео (*Джиневре, пораженный*). Ты что?..

Джиневра. Нет-нет... Я ей только сказала, что это несправедливо... Уверена, что ты поймешь меня...

Ромео. Да, мне надо только поговорить с ним еще раз. Я пришел, признаюсь, чтобы извиниться перед ним.

Биче (*с ироническим презрением*). Ты говоришь так, поскольку все прекрасно понимаешь...

Ромео (*удивленно*). Но Биче, что это с тобой?

Биче. Можешь не удивляться. Я уже все поняла. **Джиневра** (*Ромео*). Я просто не знаю, что это с ней происходит.

Биче (*Ромео*). Я заметила, что перед ней ты не строишь из себя сумасшедшего. Ты это делаешь только со мной и отказываешься меня понимать. Она ничуть не осуждает тебя. Только меня... а теперь еще и гонит отсюда.

Джиневра (*Биче*). Но почему ты тогда ты не говоришь ему, что ты?..

Ромео (*Биче, резко*). Ты что, пришла устроить ей сцену ревности?

Джиневра (*немного шокированная его словами*). Да нет же! О какой ревности ты говоришь?!

Биче (*готовая к любому развитию событий, на-*

бравшись храбрости). Да, это так и есть. Ты этого можешь и не скрывать.

Джиневра (*словно спустившись неожиданно с небес*). Ты действительно хочешь сказать мне, что пришла именно для того, чтобы устроить мне тут сцену ревности?

Биче. Да, да! И не только это. Кроме того, я еще и обвинила тебя.

Ромео (*перебивает ее*). А ну прекрати! Лучше помолчи, глупая!

Джиневра. Обвинила меня. Надо же! Я этого что-то даже и не заметила.

Биче. А я — да. И прекрасно видела, что ты это заметила.

Джиневра. Но я еще раньше попросила тебя убраться отсюда.

Биче. Ты все время делала вид, что ничего не понимаешь, и постоянно противоречила сама себе.

Ромео (*Биче*). Я уже сказал, чтобы ты помолчала!

Биче. Поэтому-то ты и пришел сейчас сюда с извинениями. Вот и открылась тайна другого твоего убийства, одного из двух, что ты совершил. Ты предал своего брата с ней, когда она была у меня в гостях. (*Джиневре*.) Он твой сообщник. И сейчас он из-за этого бесится, а ты все отрицаешь.

Джиневра (*Ромео, смеиваясь*). Она явно заразилась, да-да, явно заразилась твоим безумием после того, как ты заподозрил ее в связи с Респи.

Биче. Да, я знаю! Вы хотели, чтобы это было правдой. Чтобы любым способом втоптать в грязь и меня. Хотя во всем виноваты только вы сами.

Ромео (*прикладывает руки к ушам, словно у него разламывается голова*). Глупая, глупая! Помолчи! Ничья это не вина. Ничья. При всем своем желании ты не сможешь этого понять.

Биче. Наоборот, я все это прекрасно поняла.

Ромео (*продолжает ее речь*). Да, ты невиновна. С тобой такое никогда не сможет случиться. Естественно, что, только потеряв голову и обезумев, я мог позволить себе в чем-то обвинять тебя. А она молодец, что все отрицает. Потому что это нельзя считать чьей-либо виной. Нет, это никак не вина. Я никого не предавал. И она тоже никого не предавала.

Джиневра (*Биче, торжествуя*). Ну что, видишь?! Теперь он тебе это и сам говорит.

Биче (*с дикой злостью*). Он говорит так, потому что вам ничего не остается, как только во всем покаяться.

Джиневра (*нагловато*). Кому? Мне? Мне не в чем каяться.

Ромео (*решительно*). Не в чем, верно.

Биче. А я бы сказала, что как раз наоборот, тут есть в чем каяться.

Ромео. Интересно, перед кем, глупышка? И в чем? Разве тебя не ужаснул мой рассказ с пока-

нием в убийстве, совершенном в юности?

Джиневра (*все более наглая*). Тоже мне герой! Прошло тридцать лет после того случая. И все уже быльем поросло, давно позабылось.

Ромео (*Биче*). Нет, ты слышишь, что она говорит? Она, того и гляди, еще скажет, будто я все это время только и ждал, когда закроется мое дело за истечением срока давности.

Джиневра. А кто его знает!

Ромео. Пускай это будет так. Успокойся. Тем более ты в этом так уверена.

Джиневра. Да и время, чтобы рассказать эту историю, думаю, ты подобрал специально.

Ромео (*ошеломленный ее словами, после небольшой паузы*). Это просто невероятно! Ты видишь, Биче, до чего я дошел? Из-за того, что случилось со мной, теперь я могу подозревать даже тебя.

Биче (*с негодованием, презрительно*). Как же можно было пасть так низко?!

Ромео (*громко, как человек, который видит, что его не понимают и неправильно толкуют смысл его слов*). Нет! Нет! Это вовсе не так!

Джиневра (*ему*). Не позволяй ей нападать на меня и оскорблять в моем же собственном доме.

Биче. На это можешь не рассчитывать, если осмелишься и дальше отрицать то, что произошло между вами.

Ромео. Нет-нет, ты должна оставить ее в покое. Я уже тебе сказал: она имеет полное право отрицать все что хочет.

Биче (*с иронией*). Как же, как же! Ей все позволено! Она даже может позволить тебе подозревать меня в смертельных грехах. В грехах, которые я не совершала. Подозревать, что я могу совершить такое же убийство, что и она.

Джиневра (*Ромео*). Какое еще убийство? Ромео, заставь ее замолчать.

Биче. То, другое, из-за которого он вспомнил первое. Разве это не так? Видишь, я все отлично поняла.

Ромео. Нет, Биче! Если тебе помогает это понять твоя ревность, то нет. Если ты будешь ревновать и дальше, то никогда не сможешь этого понять!

Джиневра (*с иронией*). Конечно, ее ревность... А что еще другое?!

Биче (*идет к ней, сжав кулаки, со злостью*). Поэтому — кайся!

Ромео (*кричит Биче*). Нет, нет! Только не это! Она не виновата. А потому и не должна этого делать.

Биче (*Ромео, на грани отчаянных слез*). А стало быть, тогда я, по-твоему, должна покаяться в преступлении, которого не совершала?

Джиневра (*в лицо Биче*). И тем более не я. Если ты хочешь помочь ему, тогда лучше покайся сама. Как-никак, ты доводишься ему женой.

Биче. Как это я об этом сразу не подумала?! Ведь он не может этого требовать от тебя. Ты же в этом деле его сообщница. Нет, нет! Он не может выставить тебя на такое посмешище.

Ромео. Нет, Биче, никакая она не сообщница.

Она такая же жертва, как и я. Перестань подозревать нас в убийствах. Это вовсе не убийство. И ты бы не считала его таковым, если бы сама его совершила. И нечего в нем каяться, его надо похоронить. Тем более если оно само похоронит себя, как я на целых тридцать лет похоронил в себе мое первое преступление. Все это получилось само собой, без каких-либо расчетов и хитрости. Стихийно. Втайне от нашей совести, которой нечего даже краснеть, поскольку эта вещь ее не касается. Более того, наша совесть даже ничего не должна знать об этом. И мы тоже не должны. (*Показывая на Джиневру*.) Точно так же, как она. Но причину, по которой я сейчас схожу с ума, она наверняка знает...

Джиневра. Нет-нет, я ничего не знаю.

Ромео (*Биче*). Как видишь, она, наоборот, все решительно отрицает, говорит, что ей ничего не известно. Хотя по идее и у нее должна быть та же причина для безумия...

Джиневра. Нет-нет! Мне это не грозит. И я тебе ответственно заявляю, что не вижу для этого никакой причины...

Ромео (*Биче, показывая на Джиневру*). Ты слышала? У нее причины нет.

Биче. Она не признается, но зато, Ромео, сейчас я точно знаю, что такая причина есть. (*Показывает на Джиневру*.) Я ее вижу насквозь.

Ромео. Нет-нет! Не суди ее строго. Ты видишь результат того, что произошло между нами двоими.

Джиневра. Ты сумасшедший!

Ромео. Да, да... Это результат именно того, что произошло со мной и с нею.

Биче. Я это знаю!

Ромео. Но совсем не так, как видится тебе. Нет! Поэтому я и говорю: ты этого не можешь понять. Никто из нас никогда не думал об этом раньше. И ни у кого не было желания думать обо всем этом после. (*Показывает снова на Джиневру*.) Вот что я хотел сказать тебе... Видишь, как я с тобой откровенен? Как мне еще тебе объяснить все это?

Джиневра. Он снова начинает бредить.

Ромео. В том нет ее вины, Биче! Как и моей. В том-то все и дело. Это случилось как раз тем утром, несколько дней тому назад, когда ты отправилась с виллы в Перуджу сделать кое-какие покупки.

Джиневра (*кричит*). А что случилось? Не было ничего! Ты же помнишь — я тут же все сразу забыла. Для меня это было равносильно тому, как если бы ты меня вдруг застала врасплох в объятиях с моим мужем. Мгновенное замешательство и ничего более.

Ромео (*Биче*). Ну что, видишь? Она воспринимает все это именно так. Ты что, действительно ничего не заметила, когда вернулась на виллу? Скажи мне. Скажи.

Биче. Нет. Ничего.

Ромео. И мы тоже. Как если бы ничего и не

случилось. Словно мы были слепыми.

Биче. Тем утром я поехала в Перуджу встретить Джорджо. По случаю его возвращения из дальнего плавания.

Ромео. Да, ее, бедняжку, вполне можно понять. Мы с тобой прекрасно знаем, я и ты, с каким тревожным ожиданием, с каким пылом она ждала Джорджо. Об этом мы с ней часто говорили.

Джиневра (*бурно негодуя*). Послушайте, если вы это так прекрасно знали, если часто говорили об этом, почему вы тогда сейчас меня мучаете? Я никого никогда не любила, кроме него. Я никогда никого не желала, кроме него. Все мои тревоги и весь мой пыл предназначались только ему. Я тебя совершенно не знаю. И ты ничего не можешь знать обо мне. (*Биче.*) Он действительно сейчас сходит с ума по тебе, Биче! По тебе! По тебе! Не по мне!

Биче. Потому что его сейчас мучают угрызения совести.

Ромео. Нет-нет, вовсе не из-за каких-либо угрызений совести. Ты что, на самом деле ничего не хочешь понять? Именно потому, что они отсутствуют.

Джиневра (*Биче, сменив тон*). Клянусь тебе, что в то утро, провожая тебя вместе с ним до ограды виллы под палящими лучами нестерпимого солнца, я испытывала сильнейшие чувства и дикую страсть только по отношению к Джорджо. Только к нему. Настолько, что я вдруг почувствовала, как меня покидают силы. Не знаю, что со мною произошло, никогда раньше такого не случалось. Вся моя кровь буквально закипела. Я увидела, как ты его поцеловала перед тем, как сесть в автомобиль... Теперь, Биче, позволь мне сказать все. Все как было. Ты поцеловала его... И я почувствовала весь жар этого поцелуя на своих губах, словно он предназначался мне. Чуть позже, после твоего отъезда, когда мы с ним возвращались к себе через сад, среди стрекота цикад, среди цветов, источавших ароматы под лучами сумасшедшего солнца, он вдруг повернулся ко мне и что-то сказал... Я не помню, что именно, но, пытаясь ответить ему, вдруг почувствовала, как теряю голос... Он стал каким-то не моим, каким-то низким... По звуку моего голоса он сразу понял, в каком душевном состоянии я находилась...

Ромео. Да, да... Но этого нельзя было сказать обо мне... я не ощущал ничего такого, никоим образом... (*Кладет руку на грудь, словно для клятвы.*) Я был таким же, как сейчас... Но вдруг стал совершенно другим, и ты совершенно другой... Мы уже не были самими собой, да, самими собой, на этом жгучем солнце. У нас уже не было другого желанья, как только быстрее вернуться на виллу. Шекотливость этой ситуации не оставляла нам другого выбора, как только сесть рядом, прижаться друг к другу и подчиниться неведомой силе, немолимо сближавшей нас...

Джиневра. В комнате с плотно закрытыми жалюзи и блуждающими тенями...

Ромео. Внутри виллы нас ждала благодатная прохлада и кромешная тьма...

Джиневра. Да, я тоже испытывала точно такие же ощущения, о которых ты говоришь... Одним словом, он испытывал то же самое, что и я...

Ромео. Естественно, иначе больше ничего нельзя было бы понять из нашего объяснения. Мы уже не были двумя обычными существами. Потому что уже не принадлежали самим себе. Опаленные солнцем и каким-то божественным ослеплением, позабыв все на свете... Потеряв представление о том, где мы находимся и что такое совесть... Мы совершенно не отдавали себе отчета в том, кто была для меня она и кто был для нее я... Этого было достаточно, чтобы мы, позабыв все на свете, в мгновение ока бросились друг другу в объятия...

Джиневра. Хотя мы об этом никогда и не думали раньше. Я клянусь тебе: ни я, ни он! Никогда! Никогда! Мы с ним в эту минуту были слепы, Биче, я клянусь тебе! Конечно, ты можешь мне и не поверить, но это самое ужасное, что может быть на свете!

Ромео (*перебивает ее*). Нет-нет! Самое страшное, что может быть, это та подлость, которую мы совершили с тобой. Подлость, которую никогда невозможно будет принять и тем более понять, почему мы пошли на такое преступление, поскольку наша жизнь после этого стала просто невыносимой. Это ничем не отличается от настоящего убийства, которое наша возмущенная совесть решительно отвергает. И если мы хотим дальше продолжать нашу жизнь (*глядя на Биче*) да, это именно так! — нам нужно поступать точно так же, как она. (*Показывает на Джиневру.*) Она делает вид, что ничего не знает и что ничего особенного не случилось... и даже позволяет себе кричать мне в лицо: “Я тебя не знаю! Я всегда любила только его! Я не желала никого в жизни, как только его!”

Джиневра (*кричит*). Но это правда! Это правда!

Ромео. Что я могу ответить ей?! Да, это правда. Это правда. Это не был я. Она не желала меня, а я не желал ее. Я ничего не знаю о ней... Ничего! В тот момент мы ощутили, как какая-то пучина разверзлась перед нами и поглотила в свою бездну... Она тут же вновь закрылась без всякого следа. И наша совесть тут же снова вернулась в обычное состояние. Мы были настолько потрясены, что не имели даже сил хотя бы на миг задуматься: что же с нами все-таки произошло... И мы бросились врассыпную — я в одну сторону, она в другую, совершенно ничего не понимая. Едва оставшись одни, мы поняли, что эта история, непонятная и непостижимая для нас, наконец-то закончилась раз и навсегда. При этом не было даже намека, что мы чувствуем какое-либо раскаяние. Ничего подобного. Все закончилось. Все исчезло. Секрет той минутной

слабости исчез навсегда. Все произошло неожиданно и тут же улетучилось, как во сне. Едва очнувшись от него и увидев друг друга, мы не могли поверить, что подобное могло случиться с нами. Вот что я хотел бы сказать. Конечно, можно было наложить на себя руки, но и это нам не могло прийти в голову — по той простой причине, что мы сами не могли поверить в случившееся. Не только перед тобой, когда ты вернулась на виллу, но даже перед нами самими, когда мы, стоя напротив друг друга и глядя друг другу в лицо, продолжали говорить непринужденно, как и раньше, словно ничего между нами и не случилось. Это происходит и сейчас. И в этом нет никакой нашей вины, поскольку никто из нас двоих даже не мог предположить, что такое может произойти.

Тем не менее, Биче, то, что случилось между нами, остается для меня большой загадкой. Как такое могло произойти с честнейшей женщиной (*показывает на Джиневру*) вроде нее? В этом еще надо будет разобраться. Как она, безумно влюбленная в своего мужа, могла мгновенно, оказавшись в плену неожиданно нахлынувших чувств, абсолютно не желая того, очутиться вдруг в объятиях оказавшегося рядом мужчины?! В результате случайного стечения обстоятельств, загадочного часа и не менее таинственного места, в котором она очутилась, бессознательно изнывая от невыносимой страсти, накопившейся в долгом ожидании встречи с мужем. Но уже через несколько мгновений вырвавшись из пучины охвативших ее страстей, она тут же похоронила тайну нашей любовной связи в самой глубине той пучины. Да так, что даже при самом внимательном наблюдении за всеми проявлениями ее чувств в ней уже невозможно отыскать никаких видимых признаков угрызения совести или каких-либо переживаний. Ей удивительно легко удается, не прилагая особых усилий, лгать другим и самой себе. Я подождал день, другой, третий, но тоже не заметил ничего, что бы шевельнулось у меня внутри, — ни в твоём присутствии, ни тогда, когда она была одна. Ты сама видишь, что она тут же вернулась к тому состоянию, в котором была до этого, строя свои отношения с тобой и со мной точно так же, как и прежде...

Джиневра. Единственно, чего я боялась, что ты испугаешься и все тут же выложишь Джорджо, когда он придет. Но когда увидела, как ты бросился с распростертыми объятиями ему на шею, чтобы обнять как брата, у меня словно гора свалилась с плеч, я заплакала от радости и опять стала счастлива, поняв, что, наконец, избавилась от моих опасений. Да, действительно, моим мучениям тогда пришел конец.

Ромео (*расстроением воспоминанием о тех объятиях, не в силах больше сдерживаться*). Нет-нет! И нет! Легко тебе говорить... но я не могу, не могу забыть все просто так же, как ты. Надо, чтобы я все-таки нашел для себя... Чтобы я нашел для себя наказание. Да, да, наказание! Заслуженное наказание. (*Тут же удаляется.*)

Биче (*совершенно обескураженная, смотрит ему вслед*). Но для этого я и нахожусь здесь. Именно для этого. Вы можете говорить мне обо всем прямо, ничего не скрывая. Я что, для вас больше ничего не значу?

Джиневра (*тихо, сердечно, поучительным тоном*). Позволь ему уйти, Биче. Все это он говорил исключительно для тебя. Это у него пройдет. Он таким образом сумел немного облегчить свою душу. Вот увидишь, все это у него пройдет. А испытание, которое он устроил тут, предназначалось тебе, Биче. Именно тебе.

Биче. Да, но почему тогда вы оба не чувствуете никаких угрызений совести?

Джиневра. Да-да, проблема заключается именно в этом. Он видел, с каким энтузиазмом я встретила своего мужа. Ты тоже видела мою радость... Все это потому, что я люблю Джорджо. Люблю его так, что сильнее просто невозможно. И та бездна, в которую теперь, как и следует, навсегда провалилась наша тайна, притянула его и лишила разума, и он тут же начал думать: а что, если и ты...

Биче (*разводит руки от удивления; в отчаянии*). Вот что, Джиневра... я хотела бы тебя попросить об одном одолжении: если ты и дальше собираешься что-то обо мне говорить, постарайся не говорить обо мне ничего подобного.

Джиневра. Естественно, Биче, я верю, что с тобой ничего подобного никогда не случилось. Но мы, я и он, теперь совершенно точно знаем: если это произошло с нами, значит такое вполне возможно. И как случилось с нами, точно так же может случиться с любым из нас.

Биче. Но только не со мной! Со мной — нет!

Джиневра. Но я такая же, как и ты, Биче, и поэтому он теперь сходит с ума. Почему ты хочешь отказать ему в удовольствии думать, что, однажды вернувшись домой, он сможет найти тебя наедине со своим другом...

Биче. Прости, что ты такое говоришь! Это какое-то безумие! Чтобы я?..

Джиневра. В минуту душевной слабости!

Биче (*смущенная, удивленно*). Неужели его на самом деле может так просто утешить одно лишь предположение, что и я тоже могу?..

Джиневра. Нет-нет, это ему нужно, только чтобы объяснить тебе причину своего безумия. Он испытывает необходимость думать именно так, поскольку хочет убедить себя, что с тобой может случиться то же самое, что с ним и со мной. И что ты тоже сможешь после всего этого строить из себя такую чистую и непорочную деву, неспособную лгать даже себе самой. С такой же самой тайной, какую я ношу в себе, скрываю ее, не пытаюсь лгать своему мужу. Ну, что ты теперь видишь? Что именно эта мысль... что именно она влетела ему в голову!..

Биче (*охваченная ужасом и смятением, начиная верить ее словам*). Неужели это возможно?! Неужели?

Джиневра. А вот представь себе, возможно! Именно эта мысль начала буквально сверлить ему мозги при виде тебя, спокойной как небожительница, радостной, любящей его так же, как я люблю своего мужа. И он начал рассуждать примерно так, имея в виду меня: “Подумать только, эта женщина, столь любезная со своим мужем, была совсем недавно в моих объятиях. А ведь не исключено, что и моя жена на некоторое время могла потерять контроль над собой и оказаться в чих-то объятиях!.. О Биче, помолчи! Прошу тебя, помолчи, пожалуйста!”

В этот момент из глубины слышится голос Джорджо. Он звучит теперь не так, как раньше, а радушно, душевно.

Джорджо (звонит). Джиневра! Джиневра!

Джиневра (почти одновременно). Джорджо! Я здесь!

Биче поражена неожиданной переменой в ее облике. Почти согласившись с доводами Джиневры, она уже готова принять их на веру.

Джорджо (входя). А, ты здесь с Биче?

Джиневра (почти в блаженном состоянии). Да, я с Биче... Она знает, что у тебя сегодня последний день, ведь ты завтра отплываешь...

Биче (встает; поникшим тоном). Всё, простите, но я, к сожалению, должна покинуть вас...

Джиневра. Нет, нет! Не уходи!

Джорджо и **Джиневра** (одновременно). Даже не думай!..

Джиневра. Я не это имела в виду, говоря о Джорджо.

Биче. Ты ведь знаешь, что мне надо уже уходить... Мне надо было прийти к вам...

Джиневра (тут же продолжает). ...чтобы попроситься с Джорджо. Это так естественно.

Джорджо. Но у нас еще будет время попроситься. У нас в запасе весь завтрашний день. Тем более что я уезжаю только к вечеру. А как Ромео?

Биче. Не знаю... Был где-то здесь. Может, еще появится. Он тоже должен попроситься...

Джорджо. Надеюсь, он уже успокоился...

Биче (сразу). Да-да...

Джорджо. Кто бы мог такое представить?! Я до сих пор не могу прийти в себя после его вчерашних признаний.

Биче. Да-да, он успокоился... Постарайся больше не думать об этом.

Джорджо. Советуешь мне больше не думать об этом... то есть не портить себе последний день, который я собираюсь провести с моей Джиневрой?! (Ласково обнимает ее.) Мы так мало бываем вместе...

Джиневра. Надеюсь, ты уже успел справиться со всеми своими делами.

Джорджо. Да, со всеми. Теперь я, наконец, могу расслабиться, побыть с тобой и больше не выходить из дому ни на минуту вплоть до завтрашнего вечера. Ты довольна? (Биче.) При той дьявольски невыносимой жизни, которую ведем мы, моряки... И вдруг встретившись с ней, неудивительно, что...

Джиневра (перебивает). Всё, хватит... Довольно, Джорджо... Хватит!

Джорджо. Да, всё! Об этом хватит, стоп! Слава богу, хоть это случается в нашей жизни. Ужасно, если бы такого не бывало. От таких встреч забываешь все на свете. Ты тоже увидишь, Биче! Да, увидишь, ты забудешь все, что сейчас заставляет тебя так страдать, как только твоя тревога насчет Ромео развеется. Эта тревога не может быть долгой. (Пауза.) Я все еще не могу понять, как ему вдруг пришлось на ум воскресить свое прошлое...

Биче (резко обрывает его). А сейчас, Джорджо, позволь мне удалиться. Да, я тоже надеюсь, что это у него пройдет. Оставляю тебя с Джиневрой.

Джиневра. Нет, не уходи, дорогая!

Биче. Я тебе бесконечно благодарна за то, что ты мне сказала. Я все поняла. Как только я увидела тебя с Джорджо, мне все стало ясно.

Джорджо. Что значит “ясно”?

Биче. Да так, ничего... Ясно в том смысле, Джорджо, что я смогла разобраться, наконец, в той причине, из-за которой он... начал подозревать меня.

Джорджо. Я ничего не понимаю. Разве ты не была всегда любящей женой для него?

Биче. Да, это верно. Но надо признать, я всегда вела себя ужасно скверно по отношению к Респи. Ты это знаешь? Возможно потому, что никогда не придавала особого значения тем знакам внимания, которые он оказывал мне... Хотя я и находила... да, находила определенное удовольствие в его ухаживаниях...

Джорджо. Ладно, будет тебе, только постарайся не смешить никого такими заявлениями.

Биче. Решительно заявляю тебе: я это все делала вовсе не для того, чтобы зло посмеяться над ним. Нет, нет! Упаси меня боже! Я чувствовала, что этим смехом я сама себя унижаю. Его ухаживания... не знаю, как бы лучше это сказать... были для меня тем теплым чувством, которое правильной всего будет называть словом “дружба”... хотя я прекрасно знала, что это было совсем не так. Может это происходило потому, что я слишком доверяла Ромео и видела, как искренне он смеялся над всем этим. А может, потому, что я не собиралась делать из этого секрета и хранить эту правду в себе одной.

Джорджо. Нет-нет, он не сможет долго носить в себе такие подозрения. Это просто смешно. Тем более что ты всегда была откровенна с ним и сама ему во всем призналась, ничего не скрывая.

Биче. Наверное, мне не надо было говорить ему об этом... Когда я так сильно страдала от домогательств Респи, Ромео стал невольным свидетелем того волнения, той страсти, с которой Джиневра ждала твоего возвращения из плаванья...

Джиневра (не сводя с нее глаз). Но свидетельницей всего этого стала ты тоже...

Биче. Да, дорогая! Кто же это может отрицать?.. Я вижу, у тебя сложились прекрасные отношения с ним. На этом фоне я чувствую себя совершенно уничтоженной.

Джорджо. Ну и ну! Интересно. Продолжай, продолжай свою речь.

Биче. Это правда, Джорджо. Я не должна была ему ничего говорить. Я поступила глупо. Я должна была поставить Респи на место, как делала это раньше. Но не рассказывать ему об этом... и более того, должна была как-то дать ему понять...

Джорджо. Что именно?

Биче. Мне кажется, Джорджо, это единственный способ, который на самом деле мог бы помочь Ромео... Мне надо было дать ему понять, что убийства могут совершаться и совершенно произвольно, то есть непреднамеренно...

Джорджо (*изумленно*). Не хочешь ли ты этим сказать, что у тебя было что-то с Респи?.. И не собираешься ли ты тоже сходить с ума вроде него?

Биче. Нет, не собираюсь... Достаточно и того, что он сейчас один сходит с ума...

Джиневра (*снова смотрит пристально ей в глаза*). Подобные вещи не делаются просто так, Биче, даже если ты захочешь их сделать. Но если ты их задумываешь заранее, то в этом случае, да, они действительно становятся преступлениями...

Биче. Да-да, ты права! Поэтому, чтобы помочь ему, нужно придумать что-то такое невероятное, непостижимое, в чем не признаются даже самому близкому человеку. Мало ли что. Откуда мне знать! Например, для начала ему можно было бы дать понять, что я и ты, Джорджо...

Джиневра. Да, точно, это был бы, как ни взглянуть, идеальный вариант...

Джорджо (*обескураженный*). Позвольте, но что вы тут говорите такое?

Биче (*возбужденная, загоревшаяся своей идеей и инстинктивно желающая отомстить своему мужу*). Например... что мы с тобой, Джорджо, в минуту абсолютного ослепления позволили себе совершить какое-нибудь самое настоящее безумие. Я это имела в виду. Безумие, вполне сравнимое с убийством того юноши, о котором он нам рассказывал. Он нуждается в таком примере. Хотя такой вариант, несомненно, был бы правдоподобней, если бы речь шла о Респи. Нет-нет, я не должна была смеяться над ним. Наоборот, должна была позволить ему подозревать, что такое могло случиться с нами. К счастью, он все еще продолжает подозревать меня в этом. Какая я все же была глупая, показав ему, что сильно огорчена случившимся и ужасно напугана недвусмысленными предложениями Респи. Если я действительно хотела помочь ему, то должна была позволить ему поверить в такое...

Джорджо. Что позволить? Поверить в подобное абсурдное предположение? Что я с тобой?..

Биче. Да, Джорджо, в столь абсурдное предположение. Что эта невероятная вещь могла произойти и со мной... да так, что я до сих пор не могу себе

объяснить, как такое могло случиться. Так произвольно, что я не чувствую за собой абсолютно никакой вины и не испытываю никаких угрызений совести...

Джиневра. Да-да! Последнее — самое главное!

Джорджо (*крайне изумленный ее комментарием; Биче*). Послушай, не ты ли случайно посоветовала ей подобную несусветную глупость?

Биче. Нет-нет! Я это поняла сама. Меня сейчас вдруг словно осенило. Ты сам тоже слышал от него, как он все это себе представляет. Что на свете случаются самые невозможные, самые немислимые вещи... о которых мы совершенно ничего не знаем. Настоящие убийства, никому не известные, похороненные внутри нас. И хотя лоб у нас твердый, на нем ничего не написано. Я не должна больше склонять голову перед ним, словно в чем-то виновата. Нельзя считать виной то, чего ты не хотел делать. Это то, что он сейчас крепко вбил себе в голову и в чем твердо убежден. Но так может думать только совершенно безответственный человек. Тем более что он признался, что раньше совершил убийство. Разве это не так, Джиневра? (*Джорджо*.) Неужели ты не понимаешь, что, если бы подобное случилось со мной, он даже не стал бы обвинять меня в этом? С чего бы он стал это делать, если у него имеется на этот счет богатейший опыт? Да-да, мне нужно будет сделать все возможное, чтобы помочь ему увериться в своих подозрениях.

Джорджо. Но каким образом? Хорошенько солгав?

Биче. Естественно, солгав. А что мне остается делать, если у меня никогда не было ничего подобного в жизни?!

Джорджо (*сердито, с угрозой*). Вот что я тебе скажу. Если ты все же решишь сделать подобную вещь, то я тебе этого не позволю.

Джиневра (*инстинктивно*). Нет-нет! Ты не должен вмешиваться...

Джорджо. Ты меня еще не знаешь, Джиневра! Я этого так не оставлю...

Биче. Нет-нет, Джорджо, ты не должен вмешиваться в эти дела.

Джорджо. Наоборот, я обязательно вмешаюсь. И скажу ему все. Что ты собираешься солгать, чтобы помочь ему и таким образом заставить его поверить в то, чего не было и в помине.

Биче (*после небольшой паузы, безразлично, в сторону Джорджо*). Позволь, но что ты можешь знать об этом?

Джорджо (*удивленный*). Как что я могу знать об этом? Тогда все кончится тем, что ты скажешь ему это сама.

Биче. Это я и сделаю, Джорджо, поскольку именно тебе не смогу признаться в этом.

Джорджо. Именно мне? Что ты этим хочешь сказать?

Биче. Джиневра знает, что я этим хочу сказать,

и я уверена, что она не доверит эту тайну никому и никогда. Ты можешь не беспокоиться, Джорджо, отправляйся в свое плавание совершенно спокойно. Я сама все скажу ему, все, что должна сказать ему, чтобы вернуть его душе спокойствие. Позволь мне сделать это. Джиневра помогла мне понять много самых разных полезных вещей.

Джорджо (*приходит в себя и чувствует, что Биче не нуждается в его услугах*). А, вот как! Если ты пришла сюда, чтобы рассказать о том, чего я не должен знать, это меняет дело. (*Направляется к выходу.*)

Джиневра (*пытается удержать его*). Но мы уже закончили наш разговор.

Биче. К тому же и я уже ухожу.

Джорджо. Избавьте меня, пожалуйста, от ваших дальнейших разговоров. Я больше ничего не хочу знать. (*Тут же удаляется.*)

Биче (*после небольшой паузы, размеренно*). Можно с ума сойти от него. Как ты можешь его терпеть!.. Я бы не смогла это выдержать... Поверь мне...

Джиневра (*растроганная, благодарная*). Естественно. Кто бы возражал?! Ведь ты тоже, Биче, ничем не отличаешься от меня. Мы с тобой женщины и мы защищаем нашу жизнь любой ценой. Они же мужчины и чуть что тут же начинают советовать со своей совестью и даже могут довести себя до изнеможения своими абсурдными фантазиями. Лучше бы оставили жизнь в покое и позволили ей самой залечивать свои раны. И самой решать вопросы — самые ужасные, которые можно придумать. Ты только подумай, сколько их набирается! И мы их все преодолеваем. Они же неспособны на такое. А твой Ромео от них может только сойти с ума. Я люблю Джорджо, Биче. Ты это видишь? Ты видишь, как я люблю его?.. Будь милостива, пойми своего мужа. Пойми! Более того, поступая таким образом, он мучает тебя и показывает, что тебя не любит. Естественно, он это делает вовсе не ради меня и не для того, чтобы мне понравиться. Он таким образом меня губит... Убивает!

Биче. Он это делает, поскольку у него есть совесть...

Джиневра. Но при этом он губит нас всех. Убивает! Ты только подумай, что могло случиться, если бы Джорджо из-за этого его безумия узнал о том, что случилось со мной! Но все случилось наоборот: это ты пришла ко мне и узнала обо всем... Только Бог знает, как это тебя ранило! Ну что, видишь? Ты женщина, любящая его, готова простить ему все и спасти его и свою жизнь. Я же хочу спасти жизнь Джорджо и мою. Да, и мою тоже!.. О боже! Это кто там появился? Никак Респи?

Биче. Как раз вовремя! Как говорится, легок на помине!

Действительно, из дома слышатся возбужденные голоса Респи и Джорджо. Затем они появляются на сцене.

Респи. Нет, нет, будет лучше, если мы все проясним здесь, на месте. Лучше здесь.

Биче. Да, так будет лучше, Респи, поскольку вы

уже находитесь здесь...

Джорджо (*настаивая на том, чтобы Респи удался*). Этому никогда не бывать. Я вовсе не собираюсь присутствовать ни при каком выяснении отношений. Ты должен тут же удалиться. **Респи** (*сильно возбужденный, в отчаянии*). Нет-нет! Чтобы ясно и недвусмысленно объясниться — раз и навсегда, — я должен был прийти.

Джиневра. Но не сюда и не сейчас, Респи! Ради бога, поберегите его! Избавьте его от лишних волнений. Он завтра уезжает.

Джорджо. Нет-нет! Я говорю это вовсе не потому, что завтра уезжаю. А потому, что не могу позволить себе такого...

Биче (*прерывает его*). Ты здесь ни при чем, Джорджо.

Джорджо. Нет-нет! Чтобы такое произошло в моем доме, да еще на моих глазах! Этому никогда не бывать! (*Респи*.) Я попрошу тебя удалиться и оставить Биче в покое здесь, в моем доме. (*Биче*.) Но если ты...

Джиневра (*одновременно*). Да, да, Биче, ради бога! Ты сама увидишь, что в его присутствии он не станет говорить тебе ничего лишнего...

Джорджо. Ты что, хочешь, чтобы я действительно присутствовал при подобном безумии? И чтобы я позволил ему демонстрировать это? Прости меня, но этого никогда не будет.

Респи. Но мне это просто необходимо.

Биче (*сдается перед натиском Респи*). Да, Джорджо, я решила... Я ухожу. Ухожу.

Джорджо (*с суровым видом поворачивается к Респи*). Ты говоришь, что тебе это необходимо? Ты чего хочешь? Разрушить ее спокойствие?

Респи. Нет-нет! Все как раз наоборот. Я хочу только объяснить ей...

Джорджо. Ты это лучше объясни ему.

Респи. Объяснить ему?! Я не смогу. Он воспользуется этим, чтобы напасть на меня... Он и так старается спровоцировать меня любыми способами.

Джорджо (*удивленный, смущенный*). Он что, пытался тебя спровоцировать?

Респи. Да, он только что пытался это сделать в теннисном клубе. Я пришел сюда специально, чтобы ты переговорил с ним так, как можешь только ты...

Джорджо (*разводит руки, раздраженно*). Я! Я! Я!..

Джиневра. Только не забывайте, что он должен вот-вот снова уйти в плавание.

Респи. Но у меня нет другого выхода, черт подери! Мне что, позволять ему и дальше провоцировать меня перед всеми, выставяя меня на смех?! Я что, должен разбить ему физиономию?! Если он не выказывает ей сейчас никакого уважения, которого требует к себе любая женщина... Надо, чтобы ты вмешался, Ванци, поверь мне, это просто необходимо. Я вам вчера здесь сказал все. Разве вы сами не видите, что у него

по отношению ко мне прямо-таки какая-то мания преследования?!

Биче. Нет-нет, Респи! У него нет ничего такого в отношении вас. Вам это только кажется.

Респи. Да вы бы видели его! Он буквально налетел на меня. Как вы можете после этого говорить, что у него нет ничего такого в отношении меня?!

Биче. Но это была моя вина. Я не должна была говорить ему ничего. И признаюсь, была неправа.

Респи. Я не ожидал увидеть вас здесь, Биче. Но хорошо, что и вы об этом говорите. И что этот кошмар для меня, наконец, закончится. Иначе я не ручаюсь за себя и что-нибудь точно натворю.

На веранду врывается Ромео Да дди, он в бешенстве.

Ромео (Респи). А, ты здесь?!

Джорджо (пытается его осадить). Ромео!

Джиневра (почти про себя). О боже! Нам только этого не хватало!

Биче. Ради бога, умоляю вас, Ромео!..

Ромео (уворачивается от окруживших его Джорджо, Респи и Биче). А ну, отпустите меня! Не трогайте меня!

Респи (выходя вперед). Будь осторожен... моя поддержка небеспредельна...

Ромео. Ну давай, бросайся на меня... тоже мне рыцарь нашелся...

Джорджо (возникает между ними). Прекратите провоцировать друг друга! И тем более в моем доме... (Ромео.) Надеюсь, ты не пришел сюда специально, чтобы напасть на него?

Ромео. Нет, нет! С чего ты это взял? Если он прячется за спинами женщин...

Респи. То, что ты делаешь, недостойно настоящего мужчины!

Ромео. Ты это серьезно? То, что делаю я? Недостойно, потому что ты привык защищать женщин подобным образом?

Респи (Джорджо). Вот что, послушай меня! Я делаю то, что любой мужчина посчитал бы для себя делом чести...

Ромео (перебивает его с ехидной улыбкой). Как же, как же! Посчитал бы делом чести!.. Тоже мне кавалер нашелся! (Биче.) Он все время защищает тебя. Причем повсюду!

Респи. А что, разве я не должен делать этого?

Джиневра (раздраженная; Респи, тихо). В этом деле самое главное, чтобы вы его не провоцировали.

Ромео (продолжает; Респи). Ну и сказал! Так-то я тебе и поверил. Это что, и есть твой долг человека чести?! (Биче.) Может быть, он это делает из-за того, что ты не подарила ему даже одного поцелуя! Что, разве я не прав? (Неожиданно с хитрецой.) Но возможно, один поцелуй все же был?

Биче (умоляюще). Но, Ромео!

Джорджо. Нет, это действительно просто невероятно!

Ромео (пытаясь его успокоить). Нет-нет! Я пошутил. Не было никакого поцелуя. Это сущая правда! (Намекая на Респи.) Он об этом говорит, не стесня-

ясь, можно сказать, всем подряд. И это ему совсем не кажется чем-то недостойным.

Респи. А что мне остается делать, если ты кругом подозреваешь и обвиняешь эту ни в чем не повинную бедняжку?!

Ромео. Как же, как же! Особенно если учесть, что все это происходит на фоне того, как ты постоянно приходишь ко мне в дом, преследуешь ее, пристаешь, домогаешься и пытаешься застигнуть врасплох. Прямо под крышей моего дома. Ты это называешь делом чести любого мужчины?

Респи. Да ведь всем известно, что она меня отвергла.

Ромео. Но это уже твоя проблема!.. Отстань от нее. Оставь ее в покое. Я говорю это потому, что ты не можешь отрицать, что к ней приставал. Было такое? Да или нет? Но позволь тогда спросить, как ты после всего этого можешь считать мои подозрения недостойными?

Джорджо. Лично я считаю недостойным не твое поведение, а то, что ты ей не веришь!

Ромео. Ей-то я как раз верю. Я имел в виду его! Его! Который в данном случае ведет себя нагло и вызывающе.

Респи (не в состоянии больше терпеть подобные заявления). Всё, мое терпение наконец-то лопнуло. И я готов ответить тебе на все твои нелепые рассуждения.

Ромео (хватает его за грудки). И как ты собираешься мне ответить? Разве ты в самом деле не вел себя как прохиндей?!

Джорджо (отводя Ромео и Респи друг от друга). Будет вам! Прекратите. Что вы еще тут придумали?

Респи (крайне раздраженный, указывает на Джорджо). Ты видишь, ты видишь, что он придумал?

Джиневра (Биче). Надо кончать этот балаган. Уведите его отсюда.

Биче (громко). Всё, я ухожу. Я ухожу, Ромео!

Ромео (вырывается из рук Джорджо, с ухмылкой указывая на Респи). Разве вы не видите, что он не скрывает своих намерений и открыто бросает мне вызов! Перекладывает все с больной головы на здоровую. Да, я имею полное право называть тебя прохиндеем, поскольку ты все время навязчиво пристаешь к моей жене, преследуешь ее буквально по пятам. И пытаешься, таким образом, вызвать у меня подозрения к ней. Разве это не так? Чтобы я думал о том, что ты... Нет-нет, не сейчас, на вилле, я знаю, что сейчас она тебя решительно отвергла... а гораздо раньше... Ведь как-никак, а твои пристава-ния длются почти целый год... Что однажды ты, когда меня не было на вилле, все же добился своего, и она совершенно бессознательно стала жертвой твоих коварных планов! Как это произошло, мне уже не столь важно. Ты говоришь "нет"? Не было этого? Прекрасно! Но боже, это все же могло произойти, мы все это знаем. Это

могло произойти. И что подобная мысль смогла влететь в мою голову, разве это не твоя вина?.. *(Неожиданно прерывает свой выпад и, к общему удивлению, меняет тон.)* Нет, нет! Это не так. Извини меня. Это неправда. В этом нет никакой твоей вины. *(Поворачивается к Джиневре.)* Разве ты не видишь, Джиневра, что я не могу больше притворяться и носить маску?! *(Респи.)* Твоя вина состоит в том, что ты воспылил к ней страстью. И поводом для моего подозрения являешься вовсе не ты. И тем более не она! *(Показывает на Биче.)* Напротив, Респи, я тебе страшно завидую. Не одобряю тебя, но завидую. У тебя никогда ничего не случилось в жизни того, чего ты не хотел. Ты всегда знаешь, чего ты хочешь. Именно знаешь. Ты всегда уверен в себе. Даже когда оказываешься один. Разве я не прав? И даже когда ты ничего не видишь, всегда уверен в том, что делаешь. Чего ты только не перевидал за свою жизнь! Счастливчик ты. Со своими самыми предсудительными выходками. Ты не обижайся. Не обижайся. Все что, ты делаешь, вполне естественно. Человечно. У тебя есть совесть. Необъяснимо только все остальное. Ты можешь получать от всего этого удовольствие или, наоборот, мучиться угрызениями совести... Счастливчик ты! Тебе можно только позавидовать, что ты такой. Ты можешь после того, как пытался предать меня и соблазнить мою жену, спокойно вызвать меня на дуэль и проткнуть меня шпагой или пустить мне пулю в лоб или грудь, а затем сильно мучиться угрызениями совести! *(Подходит к нему, берет его за голову и целует в лоб.)* Вот, получай! Ты молодец. Умеешь причинять зло и прекрасно знаешь, как это лучше сделать. Ты таков. Я же нет. Я не могу себе такого позволить. И Биче такая же, как ты, только она умеет творить добро, а ты — зло! Ты настоящий великодушный прохиндей, а она трепетная нежнейшая голубка! И ты, Джорджо, тоже прекрасный мужчина, знающий... да, прекрасно знающий все, что ты делаешь... в том числе и когда во время своих долгих плаваний совершаешь небольшие безобидные шалости... которые никак не могут считаться преступлениями...

Джорджо *(смеется)*. Можете не верить мне, но я их никогда и не пытался скрывать от моей жены. Иначе мне пришлось бы считать ее душой, потому что она даже не догадывается, что я, подолгу находясь без нее в плавании, не отказываю себе иногда в удовольствии немного развлечься... Будь это не так, у нее было бы превратное представление обо мне.

Ромео. В то время как женщина... как бы сказать лучше? Должна уметь ждать. И это ужасная вина, если она этого не умеет.

Джорджо *(неожиданно приходя в волнение)*. Но при чем сейчас тут это?

Ромео *(сразу реагирует на его слова)*. Нет-нет! Я сейчас о том, что это должно восприниматься всеми как должное, и это даже не дискутируется.

Джорджо. Ты все еще продолжаешь перескаки-

вать с одного на другое. Разве я не прав?

Ромео. Естественно, ты прав! А как еще может говорить человек, которого все считают сумасшедшим?

Джорджо. Если бы это было бы не так, я бы не понял, как тебе могло прийти в голову говорить о Джиневре?! Да еще сейчас!

Ромео. Нет-нет! С чего ты это взял? Я вовсе не имел в виду Джиневру! Я говорю сейчас общеизвестные вещи, против них никто не возражает... что женщины у нас в основном... это слабый пол...

Джорджо *(решительно перебивает)*. Женщина — это совсем другой разговор!

Ромео. Да кто бы в этом сомневался? Это даже не обсуждается.

Джорджо. А мне, наоборот, показалось, что ты хочешь обсуждать этот вопрос.

Ромео. Да нет же! Нет! Но я учту твоё замечание. Я хотел только подчеркнуть особую глубинную прелесть общепризнанных вещей, о которых все знают, но даже когда и не знают, то принимают на веру... поскольку они являются общепризнанными. Взять, например, слепого: он не видит луны, но знает, что она существует. Общеизвестно, что на небе есть луна и что на земле имеются леса. По крайней мере, мы этому верим. Но затем мы вдруг обнаруживаем, что об этом мы на самом деле ничего не знаем. Когда возникает в нас настоящее чувство, такое редкое в наше время, которое вдруг по какому-то волшебству опускает нас на нашу грешную землю, погружая в существующую вокруг реальность. И тогда мы открываем для себя и луны, и лес. И что луна это именно то тело, которое мы сейчас видим. *(Показывает на луну, которая только что взошла на небе.)* И что лес тоже, тот лес, который мы сейчас видим... Что они не имеют ничего общего с той луной и тем лесом, которые видят другие и о которых обычно известно, что они существуют. Одна луна — на нашем небе и другая — в той или иной части света... Кстати, только один раз в жизни посещает нас настоящее чувство. А некоторых оно вообще не посещает никогда, и они живут, довольствуясь только вещами, которые их окружают, не имея о них реального представления. И многие из них, которым посчастливилось хотя бы раз испытать это чувство, пытаются обрести его вновь, но больше так нигде его не находят. Эта жизнь, в которой существуют настоящие таинственные чувства, и есть настоящая жизнь! Она, по неведомым для нас законам, может захватить вас буквально всего в мгновение ока. И вы можете тут же потерять голову настолько, что начнете совершать самые ужасные убийства, о которых до этого даже никогда не задумывались. И забыть о них тут же, как только проходит тот самый таинственный миг, исчезнувший вдруг словно по какому-то волшебству. После этого все вещи, которые вы знаете, уже перестают для

вас что-то значить...

Темнеет, наступает вечер — ясный, безоблачный, залитый таинственным лунным голубоватым светом. Зажигаются фонари, установленные на балюстраде, с лампами также голубоватого цвета. Вид Ромео Дадди и жар, с которым он вел свой монолог, произвели на присутствующих такое впечатление, что они остаются на своих местах словно заворуженные, полные томительного беспокойства.

Длительная пауза. Неожиданно Джорджо встает, словно испытав просветление в захватившем всех очаровании.

Джорджо. Стало быть, так, Ромео, давай мы лучше вернемся к этому разговору завтра, и ты тогда скажешь мне...

Все удивлены его словами, смотрят на него вопрошающе. Возникает новая пауза.

Ромео (неуверенно). Я?

Джиневра (так же неуверенно). И что он тебе должен сказать?

Биче. Нет, не надо этого делать! Ты чего от него хочешь, Джорджо?

Джиневра. Если тебе что-то нужно, то Ромео может тебе все сказать и сейчас...

Джорджо (мрачно, решительно, с суровым выражением лица). А ты лучше помолчи! Мне нужно будет еще перед этим переговорить с тобой...

Биче (не менее решительно, бескомпромиссно). Но дело в том, что если ты даже захочешь поговорить с ней, Джиневра не сможет тебе сказать ничего нового.

Джорджо. А это мы еще посмотрим!

Биче (Джиневре, так, словно находясь с ней в сговоре). Я абсолютно уверена в тебе, Джиневра! И будь осторожна, не забывай того, в чем ты мне до этого поклялась.

Джорджо (строго). Я не верю тебе, Биче! Этому не верит даже и он, твой муж. Он больше верит Респи... Но обо всем этом мы поговорим с тобой завтра, Ромео...

Ромео (медленно, словно приходя в себя после серьезной травмы). Я ни о чем другом не смогу сказать тебе, Джорджо, как лишь о том стыде, который я сейчас испытываю...

Джорджо. Ты мне все скажешь об этом завтра. Возможно, к этому моменту в этом уже не будет никакой необходимости. А сейчас я попрошу всех удалиться.

Действие третье

Следующий день. Комната в доме Ромео Дадди. Режиссеру спектакля предоставляется право самому определиться с ее убранством, ориентируясь на предполагаемый вкус главного действующего лица пьесы и с учетом того времени, в котором происходят события.

Ромео сидит в кресле, сосредоточенный, взволнованный, раздраженный. Рядом с ним Биче, в подавленном состоянии.

Биче (с мольбой во взгляде). Ромео, ради бога, выслушай меня. Скоро здесь появится Джорджо.

Ромео (безразлично пожав плечами). Да, я знаю. Жаль только, что он придет уже слишком поздно.

Биче. Для меня это тоже плохой знак.

Ромео. Я не это имею в виду. Уверен, что Джиневра ему ни в чем не призналась. Я опасаясь только за себя, что сильно устану, поджидая его из-за какой-то ерунды, которая не имеет для меня уже никакого значения.

Биче. Как это никакого значения? Что ты такое говоришь?

Ромео (встает и начинает нервно ходить по комнате). Для меня не имеет значения. Для него, возможно, да.

Биче. Нет, нет! Извини, и для тебя тоже. Ты не сможешь больше говорить с ним просто так. Кстати, ты уже подумал, что скажешь ему, чтобы снять подозрение, возникшее у него так некстати? Неудивительно, что оно у него возникло: ты был в таком возбуждении...

Ромео (останавливается, бросает на нее взгляд). Я... был возбужден?! А тебе не кажется, что это ты постаралась...

Биче. ...заронить в нем такое подозрение?

Ромео. Ты что, не согласна? Нет? Я вчера отправился к ним, чтобы как-то замять дело, а ты...

Биче. Да-да, ты, пожалуй, прав. Но я вначале этому не поверила. Хотя и раньше подозревала, что в случившемся была по-настоящему виновата одна она...

Ромео (снова останавливается; громко). В том-то и дело, что она... а не мы... По правде говоря, это была самая мерзкая вина, какую только можно представить. Если мы будем и дальше поддерживать наши отношения и четко себе представим, кем был я, и кем была она для Джорджо, и кем были мы для тебя... когда и при каких обстоятельствах произошло то, что случилось — для нас это будет просто непристительно. Короче говоря, непристительно будет уже то, что это имело место. Сам факт...

Биче. Поэтому о нем никто ничего не должен знать. И этот факт не должен раскрыться ни при каких обстоятельствах.

Ромео (снова нервно расхаживает по комнате). Bravo! Молодчина! Но его хотела раскрыть ты. Именно ты.

Биче. Если бы она не стала упрямиться и все отрицать и призналась бы сразу...

Ромео (раздосадованный). Опять ты со своей глупой претензией, будто если бы она призналась во всем сразу...

Биче. Но если она, по твоим словам, вела себя

так, не признавая за собой никакой вины и без каких-либо угрызений совести, то могла бы признаться в этом хотя бы мне...

Ромео (*развивает ее мысль*). И тогда мы могли бы спокойно признаться в этом и Джорджо...

Биче. Нет-нет! Вот этого как раз не следует делать. При чем тут Джорджо?

Ромео. А при том! Если не признаться в этом Джорджо, то наш проступок заслуживает еще большего осуждения! (*Снова садится в кресло.*)

Биче. Я женщина, а это совсем другое дело. Мне, как женщине, она могла бы сказать...

Ромео. Вы, женщины, действительно доверяете друг другу свои сокровенные тайны...

Биче. Мы могли бы использовать ее признание для ее же блага, в ее же интересах... Она могла бы, могла бы...

Ромео. Она — нет! А я могу. Она — нет, разве ты не понимаешь? Ясно как божий день, что она хочет выйти из этой ситуации без ущерба для себя и остаться... Тут не может быть сомнений...

Биче. Остаться? Где? Как?

Ромео. Остаться в живых. Любой ценой. И поскольку нам всем разрешается лгать, как если бы это было позволено свыше... Эта необходимость лгать становится нашей привычкой, мы часто не замечаем собственной лжи. Тем более это относится к ней... Ей так очень и очень удобно. Находясь в полном здравии, она спокойно жлет без зазрения совести, не запинаясь и не чувствуя при этом никакого раскаяния. Потому что у нее в мыслях действительно никогда не было намерения согрешить.

Биче. Да, но у тебя тоже не было такого намерения.

Ромео. Что касается меня, здесь совсем другое дело. Я теперь прекрасно понимаю смысл того, что произошло... Это ужасно! Я больше не могу отрицать, что этого не было. Я должен поступить совершенно наоборот тому, что сделала она. Я должен буду отрицать любую связь с ней. Связь, которая автоматически делает меня виновным. Это для меня равносильно приговору. И я нашел для себя такой приговор. Я настолько обезумел, что нашел его, наконец. И теперь я спокоен. (*Снова поднимается.*)

Биче. Приговор?

Ромео. Да-да, приговор. Я хочу отказать себе в праве на жизнь.

Биче. Что ты говоришь? Ты что, собираешься себя убить?

Ромео. Нет. Но я должен сделать это, если хочу продолжать жить дальше. Для этого я должен буду научиться отрицать, что жизнь существует и у других. То есть у вас! Жизнь, в которой, если я останусь, буду вынужден постоянно лгать, поскольку буду чувствовать себя бесконечно виновным.

Биче. И что в этом случае ты собираешься предпринять? Чтобы не лгать, откроешь все Джорджо?

Ромео. Нет, я ничего не собираюсь говорить Джорджо. Я не имею на это права.

Биче. В том-то и дело.

Ромео. Мне достаточно того, что я открыл это для себя. Мне нужно было это пережить. Два таких удара судьбы! Особенно последний... И если тот парень умер, то по крайней мере двое других — Джорджо и Джиневра — должны жить!

Биче. Джорджо! Джорджо да, должен жить.

Ромео. И Джиневра тоже. Она любит его страстно, неистово, и правильно делает, поскольку имеет на него все права.

Биче. А как же ты?

Ромео. Ты сама увидишь.

Биче. И все же я никак не пойму, что ты собираешься предпринять?

Ромео. Я тебе это сказал. Пока что я собираюсь их спасти. Спасти двоих. (*Снова садится в кресло.*)

Биче. Прекрасно. Тогда послушай, что я тебе хотела сказать. Ты, по всей видимости, заметил, что я вчера, пытаясь исправить положение, сказала тебе как бы невзначай, что учитываю твое сильное возбуждение... а ты действительно был сильно возбужден... не знаю, заметил ли ты это... Я хотела дать понять Джорджо, что пришла к Джиневре и призналась ей в одной вещи, на самом деле случившейся со мной и Респи. Ты слышал: Джорджо в это не верит. Но я совершенно уверена — так же, как и ты, — что Джиневра не станет ничего ему рассказывать о себе. Она, несомненно, будет строго держать данную мне клятву — не говорить ему ничего. Если она неглупа, то должна будет найти предлог прийти сюда с ним, чтобы помешать Джорджо, придумать что-нибудь вроде того, что она, напротив, призналась ему во всем. Но этому не бывать. Если Джорджо придет к нам, это будет лучшим доказательством того, что она ему ни в чем не призналась. Или же знаком того, что он появился у нас с целью убить тебя. Нет-нет. Все остается в силе. Ты меня слушаешь?

Ромео. Да, я слушаю. А в чем дело?

Биче. Ну что, ты теперь видишь, что ничего не понял?

Ромео. Можешь не сомневаться, я все прекрасно понял.

Биче. Что речь в данном случае идет обо мне?

Ромео. Да, о тебе. Такое вполне возможно и с тобой...

Биче. Нет, дорогой! Возможно для кого угодно, но только не для него. Он не представляет себе такой возможности. Надо сделать все, чтобы он в это поверил.

Ромео. Не имеет значения, что он этому не верит. Достаточно, чтобы он был уверен в том, что в это верю я. Это легко будет сделать, с учетом того, на какую дорожку я сейчас ступил. Тут надо будет придумать что-нибудь такое, во что он бы тут же поверил и убедился, что во всем, наоборот, виновата только ты, а я, таким образом, совсем не сумасшедший. Это можно будет сделать крайне легко, вот увидишь. Если ты хо-

чешь помочь ему, больше ничего не отрицай. В результате мы решим вопрос и с тобой, представив ему неопровержимые доказательства твоей вины, к его полному удовлетворению. Для тебя это будет суший пустяк, поверь мне. Самым трудным, Биче, самым трудным это будет для меня.

Биче. Почему для тебя? Потому что тебе придется лгать, зная, как обстоят дела на самом деле?

Ромео. Нет. В том-то и дело, что я совсем ничего не знаю. Знаю только то, что говоришь мне ты. Все остальное я могу себе лишь представить.

Биче. Ромео, что ты этим хочешь сказать?

Ромео. А то, что все, что есть в нас человеческого, и все, что мы знаем, Биче, это лишь минимальная часть всех наших познаний.

Биче. Стало быть, ты все еще сомневаешься и действительно не собираешься верить тому, что я тебе говорю?

Ромео. “Действительно”! Нет, надо же сказать такое! Как тебе это могло прийти в голову?!

Биче. Тому, что я тебе говорю...

Ромео. Естественно, я тебе верю, Биче! Настолько, что ты даже сама, дорогая, действительно не можешь об этом знать. *(С любовью берет ее руки.)* Я сейчас смотрю на тебя. Ты такая красивая, Биче! Ты сейчас такая нежная, как никогда. Верно говорит Джорджо: непорочная. А какие у тебя изумительные глаза! Незабываемые, сравнимые разве что с голубиной чистого неба. *(Смотрит пристально в ее глаза, чувствуя, что она воспринимает его любовь как глубокую болезненную травму.)* Да, дорогая, да! Но счастье такая штука... когда оно ослепит нас своим посещением, то воспринимается как что-то грандиозное, что-то неожиданное и ужасное. Оно начинается биением крови в висках и часто заканчивается, увы, каким-нибудь безрассудством, сравнимым разве что с животными конвульсиями... Или, что еще хуже, заставляет тебя, дорогая, разразиться горькими слезами, которые ты не можешь сдержать, несмотря на все усилия...

Биче. Ромео! Ромео!

Ромео. Ну все, хватит! Довольно. Ты увидишь, эти слезы сейчас нам понадобятся, чтобы переубедить его...

Биче. Да-да, я изрядно поплакала. У меня глаза все еще красные от слез, которые я пролила, узнав те ужасные вещи, о которых ты мне рассказал.

Ромео. В этой ситуации ты оставалась все такой же, какая ты есть, той же Биче. А кем был я? Никто этого не знает. Несколько минут назад, когда мы вспомнили с тобой о нашем детстве... всего лишь несколько минут назад мы полностью отключились от всего, что происходит на свете, я, потеряв голову, смотрел тебе в глаза, любовался ими... Да, Биче, ты чиста как ангел. Но видишь ли, Биче, за все преступления, совершенные нами, нас ждет наказание, нам полагается как минимум карцер и всем нам уготована прямая дорога в тюрьму. Но для всех, кто не хотел их совершать, кто совершил их так, как я, не желая ничего дурного, они все

равно считаются настоящими убийствами. Как тебе кажется: разве за мое последнее преступление — я предал друга, который был для меня настоящим братом, увел его жену, когда она была моей гостьей — я не заслуживаю сурового наказания? Да, заслуживаю. Да еще какого! И я знаю, каким оно должно быть. *(Поднимается с кресла.)* Мое наказание должно быть чем-то похуже карцера. Оно должно выходить за рамки наших обычных представлений о наказании. В нем не будет ничего предусмотренного заранее, фундаментального, никаких домов, связей, контактов, никаких консорциумов, законов и привычек... ничего такого... А будет только свобода! Да, только она. Свобода как приговор, как возможность видеть исключительно то, что тебе может лишь присниться — как глас святого в пустыне или же ад, ожидающий бродягу за кражу или убийство. Это будет наказание, которое положено за похищение Солнца, за пренебрежение ко всему загадочному и непостижимому для нашего понимания, за проступки, которые автоматически лишают права называться людьми. И оно касается всех грешников, которые прожигают свою жизнь неизвестно как за один год или месяц, а то и за один день!

Биче. А как же я?

Ромео. Ты, бедная Джиневра?!

Биче. Но позволь, с каких это пор я стала для тебя Джиневрой?

Ромео. Нет! Ты Биче. Биче, Биче! Прости меня.

Биче. Я поняла, что для тебя сейчас это то же самое...

Ромео. Нет, нет! Но ты права. Я мог сейчас сказать также: и бедный Джорджо. То есть назвать “бедным” одного из вас. Я должен уйти из вашей жизни. Я больше не могу перенести ни одной встречи, не могу видеть никого. Хоть бы он пришел поскорее, что ли... Я буквально сгораю от нетерпения. Ты меня понимаешь? Увидеть его перед собой, обмануть его... Во мне все сильнее крепнет неодолимое желание крикнуть Джорджо в лицо: то, что я причинил ему, я сделал, совершенно того не желая...

Биче. Нет! Нет! Только не это!

Ромео. Ты говоришь “нет”... Я хочу спасти жизнь по крайней мере вам. Но не могу сделать этого просто так, я хочу оставить ее вам такой, как она есть, ничего в ней не меняя... А почему бы и нет? Как наши сны, о которых нам стыдно рассказывать. А, вот! У меня возникла прекрасная идея! Я нашел решение, как лучше реализовать мой план. Да, это будет несомненно какой-нибудь сон! Ты увидишь, я спасаю вас всех, с минимальным уроном для тебя, моя дорогая Биче. А это как раз то единственное, что тебе надо.

Биче. Нет, Ромео, я хочу спасти тебя. Вот что мне надо!

Ромео *(некоторое время созерцает ее).* Ты

слишком хрупкая, моя дорогая. И чувства у тебя слишком деликатные.

Биче. Нет, нет, я не оставлю тебя! Я последую за тобой повсюду, куда бы ты ни решил отправиться.

Ромео. Я знаю, что ты последовала бы за мной... Но ты не можешь и не должна этого делать.

Биче. Да, да, я могу отправиться за тобой повсюду! Чего бы это мне ни стоило. Даже ценой моей смерти.

Ромео. Но это стало бы для меня новым преступлением, которого я не хочу. Я не смог бы этого перенести.

Биче. Ромео, да ты весь горишь!

Ромео. Меня бросает в жар...

Биче. У тебя температура!

Ромео. Да, может быть. Но это сущая ерунда. Самое главное для меня сейчас — спасти вам жизнь.

Биче. Жизнь? Ты меня пугаешь... Твое безумие сведет с ума и меня.

Ромео. Вовсе нет! Не волнуйся. Вот увидишь, ничего такого не произойдет, ведь жизнь всегда течет сама по себе.

Биче. Как это сама по себе?

Ромео. Она приспосабливается ко всему сама. Находит в себе силы, дремавшие до этого, и затем легко решает возникшую проблему. Какими бы ни были страдания, они все равно кончаются. И о них больше никто не думает.

Биче. Послушай, Ромео, но если я тебя потеряю...

Ромео. А разве ты меня уже не потеряла? Я расскажу Джордžo все, что я тут наделал. Он меня точно убьет, я его знаю.

Биче. Нет, ты ему ничего не расскажешь!

Ромео. Но в таком случае мне не остается ничего другого, как наказать самого себя, как я уже тебе сказал. После того, как я предал его, после того, как я ему врал. Нет, все, хватит! Довольно. Со мной такое случается уже второй раз. Все, хватит. Довольно, довольно!

Слышен стук в дверь, раздаётся голос Джиневры.

Джиневра. Разрешите? Я могу войти?

Ромео. А вот и Джиневра. Я ее просто не переносу. Скажи ей, что она может быть во мне уверена... *(Тут же удаляется.)*

Биче. Входи, Джиневра! Входи!

Джиневра *(входит)*. Биче, дорогая!

Биче. Говори, говори быстрее, Джиневра! Что там у вас?

Джиневра. Он все еще подозревает, не хочет верить, что речь может идти о тебе.

Биче. А что ты ему сказала?

Джиневра. Ничего!

Биче. Потому, что ты мне поклялась?

Джиневра. Да. Он меня подверг нескончаемым мукам. Но я не издала ни звука. Я позволила ему пытать меня. Более того, я этим даже воспользовалась. Да, продемонстрировав ему, что готова принять эти мучения. Я позволила ему подозревать все, что ему хотелось. Самые ужасные вещи. Это была самая настоящая пытка. Я позволила ему бросать мне в лицо самые безумные слова, не пе-

реубеждая его, лишь бы остаться верной клятве молчания, которую я тебе дала. Ты понимаешь, чего мне это стоило? В конце концов он взбежился до чертиков и дал волю своим чувствам. О, если бы ты видела, как он набросился на меня! Я имела возможность познать во всей красе, сколько ненависти скрывалось у него под маской любви. Столько же ненависти, как любви. Он схватил меня за руки — наверняка там остались синяки — и тряс меня так, что я думала, у меня мозги выскочат из головы... а затем ударил меня в лицо... Да, даже и это! Тогда я поняла, что, если он ведет себя таким хамским образом, мне ничего не остается, как все решить раз и навсегда. Я даже получила удовольствие от моего признания, оно звучало так: "Да, ты можешь даже считать меня любовницей твоего друга. Но о Биче я тебе ничего не скажу!"

Биче. И как он реагировал на твои слова?

Джиневра. Он буквально лишился дара речи. Это был голос правды: ведь я никогда не была любовницей твоего мужа, это абсолютная истина.

Биче. И что потом?

Джиневра. Это сразу же остудило его гнев. Он был потрясен моей отвагой и искренним презрением к брани, которую он обрушил на меня. Сомнение относительно меня у него, тем не менее, не прошло. Я отлично понимаю, почему оно все еще остается... И знаешь почему? Здесь замешана ты. Поскольку он отказывается верить тому, что с тобой это могло произойти.

Биче *(словно про себя)*. Бедный Джордžo...

Джиневра. Нет, мне это нравится! Ты говоришь "бедный Джордžo"! А мне пришлось перенести такое ужасное унижение накануне его отъезда. О, какая это была кошмарная ночь, наполненная ложью, самыми гнусными оскорблениями, сценами ревности, рукоприкладством... И моими признаниями, вырванными из меня только потому, что я их сделала, чтобы спасти его.

Биче. Ты говоришь о Джордžo?

Джиневра. Нет! Я говорю о твоём муже!

Биче. Но, Джиневра, как это понимать?

Джиневра. Да, о твоём муже. Твоём муже, который разболтался и подставил также и тебя. Ты что хочешь, чтобы все сошли с ума, как и он? По крайней мере он уже продумал, что сейчас скажет Джордžo?

Биче. Извини, а Джордžo сейчас где?

Джиневра. К счастью, его снова вызвали в круизную компанию за какими-то новыми инструкциями. Но ты не волнуйся, он обязательно придет.

Биче. И найдет тебя здесь.

Джиневра. И утвердится еще больше в своем подозрении. Он выгонит меня отсюда с треском. Но это уже не имеет никакого значения. Надо придерживаться той линии защиты, которую я избрала. Я нахожусь здесь, чтобы защи-

тить тебя...

Биче. Ты все это делаешь для других, хотя в результате сама стала жертвой...

Джиневра. Нет, дорогая, настоящей жертвой здесь стала ты! И все мы стали заложниками его безумия... Кстати, а где он сейчас? Его что-то не видно. Для него было бы лучше быть в курсе того, как обстоят дела. Как ты думаешь, ему можно доверять?

Биче. Но только немножко.

Джиневра. Как понимать “немножко”?

Биче. Он говорит, что ты можешь быть уверена в нем. Но он по-прежнему ведет какие-то странные разговоры.

Джиневра. Все еще?

Биче. Он хочет оставить эти места...

Джиневра. И куда отправиться?

Биче. Я этого не знаю. Он говорит, что, поразмыслив, наконец-то определился, какой себе вынести приговор. И кажется, решительно настроен.

Джиневра. И что он собирается предпринять?

Биче. Он собирается уехать, но перед этим спасти вас двоих, Джорджо и тебя.

Джиневра. Надо же! И каким образом? Он тебе уже сказал?

Биче. Нет, но говорит, что нашел выход из этого положения, а потому ты можешь чувствовать себя в полной безопасности. Это он сказал только что. Он хочет уехать отсюда...

Джиневра. Ты же, со своей стороны, не мешай и позволь ему уехать. Может быть, так будет лучше, поскольку он продолжает тебя мучить и выкидывать по отношению к тебе всякие безумные штучки... Упрятать его куда-нибудь так, чтобы не мог оттуда выбраться.

Биче. Действительно, например, в сумасшедший дом вместо тюрьмы. Это будет совершенно противоположным тому, что он хочет. Он хочет для себя свободы и видит в этом свой приговор.

Джиневра. Это тоже подходит. Он хочет свободы? Что ж, это хороший приговор.

Биче. Нет, судя по тому, как он это мыслит, — нет! Он хочет свободы лишь для того, чтобы не быть вынужденным лгать.

Джиневра. А кто его принуждает? Он сам в этом виноват: захотел вдруг излить перед нами свою душу. Я могу поговорить с ним? Позови мне его сюда, пожалуйста.

Биче. Но я не знаю, захочет ли он прийти.

Джиневра. Позови его. Это пойдет ему на пользу.

Биче (*открывает входную дверь, зовет*). Ромео, тут пришла Джиневра, хочет поговорить с тобой. *Входит Ромео.*

Ромео. Нет, Джиневра, хватит. Довольно. Прощу тебя.

Джиневра. Какое еще сумасшествие ты задумал? Ты что, собираешься покинуть нас?

Ромео (*Биче*). Ты что, ей уже все рассказала? Позвольте мне, ради бога, сделать то, что я уже решил. Вы выбрали крайне неудачное время, чтобы

говорить со мной об этом.

Джиневра. Нет, мне нравится, что это говоришь мне ты! Как будто не ты сам заварил всю эту кашу. Зло, мой дорогой, совершается не только, когда тебе случается его делать, а иногда даже — ты это называешь не известно как — когда только говоришь о нем.

Ромео. Как же, как же! Я тебя понял. Ты это говоришь лишь ради того, чтобы получить свободу и потом убаюкивать и опьянять себя как ни в чем не бывало. Мне же, напротив, нет никакой необходимости в этом. Я хочу с этим покончить. Хватит!

Джиневра. Как это “опьянять себя”? Я никогда в жизни себя не опьяняла.

Ромео. Я говорю не о вине.

Джиневра. О чем же ты тогда говоришь?

Ромео. Ты отлично знаешь, о чем. Мы все это знаем. Я бы назвал наш случай постоянным опьянением. Известно, какими нитками шиты все эти наши рассуждения. Да, дорогая, тот мир, который ты соорудила вокруг себя, может показаться прочным, но стоит лишь тряхнуть его землетрясением, как все его конструкции повалятся словно карточный домик. Знаешь, я думал именно об этом, находясь там, в доме.

Джиневра. Думаешь, сейчас именно тот момент, когда надо забивать голову подобными вещами? Тряхнуть землетрясением! Нет, надо же такое придумать!

Ромео. А когда произойдет сразу два, если они тебя раздавят в лепешку или ты окажешься под обломками здания, что ты станешь делать? Тут же бросишься бежать без оглядки при одной мысли, что, если ты не поторопишься, можешь оказаться запертым, как в ловушке.

Джиневра. Но даже если ты окажешься за стенами дома, земля все равно может разверзнуться и поглотить тебя.

Ромео. И тогда все пропало! Видишь теперь, что из этой ситуации нет выхода? Все твои расчеты рушатся в какой-то миг. Нет ничего прочного, за что можно ухватиться. Может, захочешь что-либо возразить? И кому ты собираешься возразить? А может, захочешь что-то объяснить? И что ты будешь объяснять? Такие вещи объяснить невозможно. А как насчет законов морали?! Я не знаю, существуют они для тебя или нет. Мне кажется, что нет. Но для меня они существуют. И я страдаю именно по этой причине. Я не какой-нибудь кретин, не дикий и не животное, я человек. Законы, регулирующие нашу моральную жизнь, придумали люди, и мы считаем эти законы божественными. Но Бог, если он может вызывать на Земле землетрясения, гораздо выше всех законов, которые мы называем “моральными”. О себе могу сказать точно: я никого не хотел убивать. И никого предавать.

Биче. Возможно, ты не сумел уберечься от дурных склонностей и предупредить столь бурное

их проявление.

Ромео. Как же, как же! Ты еще мне скажи, что я виноват и в том, что на Земле возникают землетрясения, которые я не могу предотвратить. Но это негуманно, дорогая, предотвращать их появление на Земле! И Бог позволяет им случаться, так же как может иногда ослеплять людей, чтобы жизнь зарождалась вновь и вновь, а все постройки и сооружения рушились, чтобы жизнь приходила в движение. Мы ведь всего лишь люди. И больше ничего. Все наши деяния — ничто. Все, что случается в нашей жизни: рождение, события нашего пребывания на Земле, наконец сама наша судьба — что это такое? Мы никогда не сможем этого объяснить. Кроме нашей человеческой жизни, построенной нами, есть еще мир вокруг нас и вечная загадка: как он возник и кто его создал? А взять наши моральные законы: если бы хоть кто-то из нас знал, что они собой представляют — что такое добро и что такое зло, — мы были все ответственны за них. Но их может знать один только Бог. Я сейчас сильно страдаю из-за всего случившегося и никак не могу, как бы ни пытался, не могу в данный момент объяснить себе, как это могло произойти. Я поступлю так, как подскажут мои страдания. Почему же вы хотите принудить меня, чтобы я стал думать по-человечески? Я отлично понимаю: все, что я натворил — это не по-человечески. И что в нас нет ни крупицы человеческого. Есть Бог, видящий все, что мы делаем, но мы не знаем, как он может поступить в той или иной ситуации. Я чувствую, что он хочет сейчас наказать меня. Да, именно это! Может, за то, что я не сумел научиться сдерживать мои страсти. Но дважды, дважды, я не собирался совершать моих ошибок, но все-таки совершил. Это факт. И никуда мне от этого не деться. Это равносильно тому, как быть пойманным с поличным. Видимо, Бог решил наказать меня за грехи. Хотя я их и не хотел совершать. Мне ничего не остается, как наказать себя так, как он того пожелает.

Джиневра (после небольшой паузы, с безразличным видом). Я, по крайней мере, не чувствую за собой никакой вины.

Ромео. И даже в том, что ты не смогла контролировать свои чувства?

Джиневра. Что случилось, то случилось. И я не хочу больше ничего слышать об этом. Ты уже не сможешь любить Биче так, как раньше. А я люблю Джорджо. Забудь навсегда и не вспоминай больше обо всем этом. Сейчас тебе надо прежде всего спастись Джорджо. И самого себя.

Ромео. Я не могу себя спасти, построив все на лжи. Ты говоришь мне, что я не смогу любить Биче так, как любил до этого. Я правильно тебя понял?

Биче. Нет, Ромео, не верь этому. Я остаюсь такой, как прежде, не сомневайся во мне, и всегда буду готова прийти к тебе на помощь.

Ромео (Джиневре). Да, я вижу, у тебя и правда нет совести. Ты совершенно глуха к любым словам и ничего не видишь. Ты что, хочешь, чтобы я проде-

монстрировал тебе веские доказательства моей любви к Биче? Тебе надо знать, что только моя безмерная любовь и огромное уважение к ней не позволяют мне принести ее в жертву ради твоего спасения. Что же касается меня, то я могу без проблем заявить на себя в полицию. В отличие от тебя, я больше не нуждаюсь в спасении. Я заявлю и на себя, и на тебя тоже.

Джиневра (кричит). Нет, нет! Не делай этого! Ради Джорджо!

Биче (кричит одновременно). Да, ради Джорджо, Ромео!

Ромео (ей). Что касается меня, я скажу ему, почему это случилось и как все произошло.

Биче. Ты не должен делать этого, Ромео, ради Джорджо! Джорджо здесь действительно невиновен.

Ромео. А разве ты не являешься здесь тоже невинной?

Биче. Да, это так. А потому, Ромео, сделай это ради меня, ты можешь это сделать, если я об этом прошу тебя, если я этого хочу... Сделай это для меня и Джорджо, а также ради Джиневры... Да, Джиневра, ради тебя тоже... Если ты страдаешь из-за того, что тебе приходится лгать, то знай, что, солгав ему, ты этим ничуть меня не оскорбишь. Пусть тебе это будет ясно. Ради меня ты это вполне можешь сделать. Ты должен сделать это и ради Джорджо!

При ее последних словах входит Джорджо.

Джиневра. А вот и он!

Джорджо. Итак, что ты должен сделать ради меня?

Ромео (необыкновенно спокойный). Мне кажется — по крайней мере, так считают эти две дамы, — что я должен покаяться, поскольку ты меня подозреваешь...

Джорджо. Нет! Биче не сказала, что тебе надо покаяться — я это отлично слышал, входя, — она сказала: “Если ты страдаешь, что тебе приходится лгать...”

Биче. Да, и добавила: “Ты меня этим ничуть не оскорбишь!” Потому что я считаю себя совершенно невинной, Джорджо. Ты это знаешь. Это сушая правда.

Джорджо. Да! Я знаю и то, что он упрямо не желает тебе верить.

Ромео. Могу же я, в конце концов, позволить себе страдать...

Джорджо. Ты еще успеешь настрадаться в своей жизни. Но это не то же самое, что лгать, а полная противоположность. Ты слишком уж откровенно выразил свое подозрение, как мне показалось. И более того, даже закатил скандал с Респи...

Ромео. Тем более я сейчас имею полное право страдать, поскольку ты вынудил меня сознаться тебе в моем позоре. И таким образом дал тебе повод для подозрений.

Джорджо. Да, ты мне это сказал вчера. Но и это тоже, замечу, не означает, что ты должен

лгать. Сознаться отнюдь не означает лгать.

Ромео. Я правильно употребил слово “лгать”, потому что до сих пор говорил с тобой только о Респи.

Джорджо. А, так ты, стало быть, подозреваешь и других!

Ромео. Да, я подозревал также и тебя.

Джорджо. И меня?

Ромео. Да, и тебя. Мой позор совсем не случаен, и тому имеется объяснение.

Джорджо. Как это он не случаен?! Послушай, если ты меня подозреваешь, ты действительно, видимо, сошел с ума!

Ромео. А ты, прости меня, чем ты лучше?! Разве ты пришел сюда не потому, что подозреваешь меня?

Джорджо. Я вполне могу подозревать тебя, ведь у меня нет никакого доверия к тебе, поскольку моя жена гостила у тебя целых три месяца и вследствие тех странных разговоров, которые ты ведешь тут вот уже два дня. Но у тебя нет никакого повода подозревать меня. Сейчас ты лжешь! Вы что тут, случайно не спелись втроем? И из-за того, что тебе приходится лгать, ты сейчас так страдаешь.

Ромео. Нет, позволь мне объясниться. И ты увидишь, что у меня есть повод для того, чтобы быть таким. Я объясню тебе все. Ты видишь, как я спокоен? Говоря о Респи, она отрицала все. А его я мог подозревать еще даже в худшем... Затем — ты это видел — я пришел к выводу, что он был всего лишь обыкновенным прохиндеем, все время пристававшим к ней. Но она выдержала все его ухищрения и не позволила себе попасть в подстроенную им ловушку. И действительно, быстро выяснилось, что у Респи с ней ничего не выйдет. Честная женщина если и может с кем-то согрешить, то лишь во сне.

Джиневра. По-вашему, как-то странно получается, что даже если это случилось только во сне, ее все равно можно считать невинной.

Джорджо. Помолчи, пожалуйста, и не вмешивайся в наш разговор, при чем тут сейчас какой-то сон?

Ромео. Ты скоро узнаешь, при чем. И сам увидишь, что для женщин не существует никаких преград, если они что-то захотят. Речь не идет ни о чем другом... как только о сне. Я никогда не говорил о чем-то другом, только о сне. Какими бы ни были преступления — во сне или без вины, — это все равно настоящие преступления. Мне очень стыдно, Джорджо, за мое подозрение по отношению к Респи, поверь мне. Не знаю почему, но оно еще больше обострилось, когда и ты выразил свое подозрение к происходящему, причем настолько неожиданно и необъяснимо, что вызвал — ты сам это видел — неподдельное изумление у всех присутствующих...

Джорджо. Из-за твоего подозрения к Респи... Заверши, пожалуйста, свою мысль!

Ромео. И это мое подозрение является следствием ее легкомысленного поведения. *(Показывает на*

Биче; Джиневре.) Тебе наверняка не составит особого труда допустить, что она ведет себя весьма легкомысленно.

Джорджо. Не надо, Джиневра! Не обращай на него внимания. Если захочешь что-то сказать, лучше говори со мной.

Ромео. Для меня остается большой загадкой также тот факт, почему она тогда решила отправиться к ней с покаянием, причем совершенно уверенная, что если она покается в непроизвольном преступлении, совершенном во сне, то она не причинит мне ничего дурного. Ты же не станешь этого сейчас отрицать? Ты ей рассказала сон, приснившийся тебе, который ты до этого рассказала мне... Джорджо, это был жуткий, совершенно жуткий сон! Такого не рассказывают никогда, ни при каких обстоятельствах. Теперь ты понимаешь? Сон, в котором ей приснился ты!

Джорджо *(потрясенный).* Я?

Биче *(закрывает руками лицо от стыда).* О боже!

Джорджо *(заметив ее жест, догадывается, о чем речь).* А!

Ромео *(понимает, что его выдумка зашла слишком далеко).* Видишь? Видишь, что это правда? Правда! *(Подбегает к Биче и отрывает ее руки от лица.)* Это верно, Биче? Скажи, что это правда! Скажи, что это правда! *(Джорджо.)* Ну что? Теперь ты видишь, что это правда? Да и как могло быть иначе! И тогда, чтобы случайно не покраснеть перед тобой, она заставила Джиневру поклясться, что та ничего тебе об этом не скажет... Но сейчас, да, именно сейчас за все это приходится краснеть мне. Ну что, ты теперь видишь, как устроены женщины? Они говорят: это был только сон. Тебе понятно? Сон! И что для них означает сон?

Джорджо. Да ничего особенного! Ты что, в самом деле собираешься придавать значение какому-то сну? Если я ей приснился, ну и что из того? *(Приближается к Биче.)* Не надо, Биче, не расстраивайся так и не плачь. Не падай духом.

Ромео. Теперь, когда ты все знаешь, то должен понять: мне никак не может понравиться то, как ты пытаешься ее успокоить и уговариваешь не плакать. Это случилось на самом деле, это правда, разве ты этого не видишь? Я ничего не придумал.

Джорджо. Какая правда, не смей меня! Это был всего лишь сон. Стоит только проснуться, и наше сознание тут же его решительно отвергает.

Ромео. Действительно! Как если бы ничего и не случилось. И затем после всего этого она может радостно встретить тебя, устроить настоящий праздник по случаю твоего возвращения на виллу. Ты это заметил, а?

Биче *(продолжает плакать, не отрывая рук от лица).* Ну нет. Это уже слишком. Говорить, естественно, можно, но не все подряд.

Ромео. Ее можно понять. И действительно,

она больше об этом не думала. И на самом деле ничего мне сразу не сказала об этом. Она мне рассказала об этом только после твоего отъезда как о чем-то не имеющем никакого значения. Ты знаешь, она в этом отношении честная и говорит мне обо всем. И о Респи все рассказала.

Джорджо. Возможно, она поступила плохо, рассказав тебе об этом. Но ты в любом случае не можешь устраивать тут не знаю что из-за какого-то сна, как будто все произошло в реальности.

Ромео. Значит, нет? Ну ты и даешь! Уверяешь нас, что нет ничего реального во сне... в теле насладившемся этой реальностью? Не забывай, что я тоже убил того юношу как во сне. Но тот юноша умер на самом деле.

Джорджо. Здесь же никто не умер. И ничего смертельного тут не произошло.

Ромео. Ничего — это для тебя. Но представь, что твоя жена просыпается однажды утром, лежит рядом с тобой, а сама только что предала тебя, согрешив с другим мужчиной во сне. И хотя это случилось всего лишь во сне, все равно ведь предала. И при этом не выказывает никаких угрызений совести. Ведь это только сон. И она его забывает. Ее ум, как говоришь ты, не воспринимает это как что-то серьезное и отвергает все, как говорится, с порога... Ничего не было наяву! Так почему бы тебе и не рассказать о том сне, который ей приснился?

Джорджо. Нет, только не это! Это не относится к тем вещам, о которых можно болтать кому бы то ни было.

Ромео. Естественно, это происходит в зависимости от того, насколько доверительные отношения у жены с ее мужем. Когда они ничего не скрывают друг от друга. Это еще зависит от настроения. Бывают такие моменты, когда ты не стесняешься говорить на сугубо личные темы и при этом не испытываешь никакого стыда. Да-да, то же самое проделала и она, смеясь, совершенно уверенная, что, поскольку речь идет о сне, ты не станешь придавать ему особого значения... Ты действительно не придаешь этому особого значения... Она обнимает тебя, пропустив руку вокруг твоей шеи, и говорит тебе шепотом: “А знаешь, дорогой, что я тебе изменила?” — “Как это ты мне изменила?” — “Да, изменила, во сне... Всего несколько мгновений тому назад”. — “И с кем же?” — “С одним типом, не знаю даже точно, с кем... но затем он неожиданно превратился в совершенно другого мужчину... Ромео, нет, ты даже не можешь представить, в кого. Да-да, это может показаться смешным, Ромео, но я уверена, что ты никогда не сможешь представить, в кого именно”. (*Показывает на Биче.*) После чего она, не моргнув глазом и не покраснев, призналась мне, что этим мужчиной оказался не кто иной, как ты, Джорджо.

Джорджо (*чеканя каждое слово*). Она поступила нехорошо. Нельзя признаваться в таких вещах даже своему мужу.

Ромео. Тем более, когда ты слышишь, как она добавляет нежным голосом, что этот сон настоль-

ко свежий, что произошел буквально несколькими мгновениями раньше. (*Биче, не щади ее самолюбия.*) Скажи нам, скажи, это правда? Что это произошло, как только ты проснулась? Ты еще могла добавить, например: “Я могу заверить тебя, дорогой, что ты ни разу в жизни не доставил мне такого незабываемого удовольствия, ведь то, что я испытала во сне, было действительно, действительно предназначено лишь мне одной и полностью соответствовало моему представлению о том, каким должно быть полное удовольствие от секса”. Это была измена, совершенная без спешки, неторопливо, прочувствованная всеми фибрами ее души, с первого мгновения до последнего. Ты можешь дать ей пощечину, сбросить с кровати пинком под зад... Но в любом случае этот сон останется, останется незабываемым в ее теле... И ты с этим ничего не сможешь поделать. Так как это был только сон! Естественно, она этого не хотела... Разве можно управлять своими снами? Вот, дорогой Джорджо, настоящие преступления... настоящие преступления, дорогой... и для них не существует никаких трибуналов... они совершаются просто так... Кто их хочет? Они совершаются сами и им нет никакого объяснения... Неизвестно как! (*Показывает на Биче с невыразимым удивлением, сожалением и возмущением.*) И она тоже видит такие сны. И она тоже, да. А теперь она плачет.

Джорджо. Мне кажется, ты ее наказал гораздо строже, чем она заслужила за совершенное ею зло...

Джиневра. За то, что ей приснилось...

Джорджо. Нет, за то, что она ему рассказала о своем сне... Ну а теперь довольно, хватит об этом! Ты как, хочешь, чтобы я спокойно отправился в свое плавание?

Ромео. Я тоже тут собирался было уехать... Но теперь...

Джорджо. И куда ты собирался уехать?

Ромео. Нет, я теперь передумал и никуда не уеду. Все мы одновременно и невинные, и виноватые. Но что поделаешь, если жизнь сейчас у всех нас такова... Я чувствую, что теперь получил сполна за все, что совершил. И могу жить дальше среди всех вас просто так, без каких-либо угрызений совести... Поэтому отправляйся, отправляйся себе спокойно в свое плавание...

Джорджо. Пардон еще раз! Уже поздно, мне пора идти.

Джиневра. Надо будет только заскочить в наши апартаменты, забрать всякие вязаные теплые вещи.

Джорджо. Теплые нет, не возьму: Ты же знаешь, я их просто не переносу.

Ромео. Тем, кто плавает, не позавидуешь. Я прав? Особенно тем, кто на военных кораблях?

Джорджо. Но как бы то ни было, ко всему привыкаешь.

Ромео. Нет-нет, я уверен, что никогда бы не

смог привыкнуть к плаванью на море. Я очень плохо переношу морскую болезнь.

Джорджо. Это бывает только вначале, но со временем привыкаешь и к морской болезни.

Ромео. Да, может быть, но только со временем. А вообще готовых рецептов против морской болезни нет.

Джорджо. Действительно, придумывают тут всякие небылицы. Вплоть до обещаний, что если ты примешь рекомендуемые средства, то избавишься от морской болезни и никогда больше не испытаешь ее.

Ромео. От всех этих советов пользы, как от самоуверения. Кто бы вам ни обещал избавиться раз и навсегда от этой болезни. Я совершенно не представляю, как вы, моряки, ведете себя, когда на судне выходит из строя компас, или как ориентировались на море раньше, когда компас еще не был изобретен, ведя суда по Полярной Звезде, этой звездочке, такой маленькой, почти невидимой на небе.

Джорджо. Без проблем. Это в высшей степени легко, дорогой. В морской навигации все поддается расчетам. Это элементарно. Первым делом определяется географическая точка корабля на карте, а для этого имеется секстант, имеются карты... Важная роль тут принадлежит знаниям и опыту. Тебе надо знать, что точные приборы изобрели именно для того, чтобы облегчить нам расчеты, выполнять которые без таких приборов чрезвычайно сложно. Сегодня, дорогой мой, наука вобрала в себя все то, что известно на Земле. Этих знаний накопилось столько, что простому смертному не хватит всей жизни, чтобы усвоить хотя бы один процент всего накопленного материала. Прогресс в каждой области деятельности человека нынче огромный.

Ромео. Да, и саму жизнь человек изменил до неузнаваемости. Он создал свой мир внутри мира, созданного Богом, и воплотил в нем все, что человек чувствует и знает.

Джорджо. И жизнь при этом, если взглянуть на нее серьезно, настолько выросла в цене и стала настолько интересной, что превратилась для нас в какое-то чудо... Она больше почти уже не кажется созданной нами, землянами.

Ромео. Да, это верно, я полностью согласен с тем, что ты говоришь... Особенно что жизнь сейчас организована в полном соответствии с тем, что человек чувствует и знает. Чудес действительно появилось великое множество.

Джорджо. Я хотел бы пригласить тебя на свой корабль, чтобы ты провел на нем хотя бы несколько минут.

Ромео. А ты помнишь, и я тоже в свое время хотел было стать моряком, как ты?

Джиневра. Джорджо, извини, но нам надо уже

идти.

Джорджо. Я готов и полностью в твоём распоряжении... Послушай, Ромео, я бы посоветовал тебе сейчас для начала отправиться с Биче в какое-нибудь чудесное путешествие.

Джиневра. Да, верно! Тебе обязательно нужно это сделать.

Ромео. И научиться делать расчеты... С учетом последних достижений науки и накопленного человеческого опыта. Ну, словом, пользуясь тем, что уже известно. В жизни надо придерживаться только того, что известно. Ты, вне всякого сомнения, человек в высшей степени образованный... Но женщины это такие существа, которые понимают толк в жизненных вопросах гораздо больше нас... Я имею в виду, в обычных вещах. *(Поворачивается, чтобы взглянуть на Биче, и видит, что она продолжает плакать.)* За исключением этой красавицы, которая сначала мечтает, а потом плачет. В жизни надо первым делом научиться не плакать.

После того, как Ромео, произнеся эти слова, дал всем понять, что все кончено, он неожиданно, поменяв тон, словно по непреодолимому зову своей совести, которая никак не может примириться с таким завершением беседы, поворачивается к Джорджо.

Джорджо, твоя жена, она тоже была моей словно во сне. Она этого не хотела точно так же, как этого не хотел и я. Ответь мне, ты можешь наказать нас за это?

Джорджо, Джиневра и Биче потрясены его словами. Возникает пауза.

Биче *(еще не придя в себя от потрясения).* Почему ты сказал это?

Ромео. Я должен был сказать. Тебе это довелось пережить во сне, а ей — наяву.

Джорджо. Наяву? Стало быть, это правда? Получается, ты до этого все время лгал? *(Всем своим видом показывает, что готов, как зверь, наброситься на Ромео.)*

Джиневра *(тут же возникает перед ним, чтобы защитить Ромео; кричит).* Нет, нет! Не слушай его! Не слушай его! Он сумасшедший!

Ромео. Я вовсе не сумасшедший. И мы все тут совершенно невинны.

Джорджо резким движением освобождается от Джиневры и вытаскивает из кобуры на поясе пистолет.

Биче *(тоже стараясь заслонить Ромео, кричит).* Нет, Джорджо! Нет! Не делай этого!

Ромео *(резко отстраняя ее в сторону).* Не мешай ему. Пусть он сделает то, что собрался сделать.

Джорджо стреляет в него. Раздается душераздирающий крик двух женщин.

(Падает на Биче.) И это тоже по-человечески!